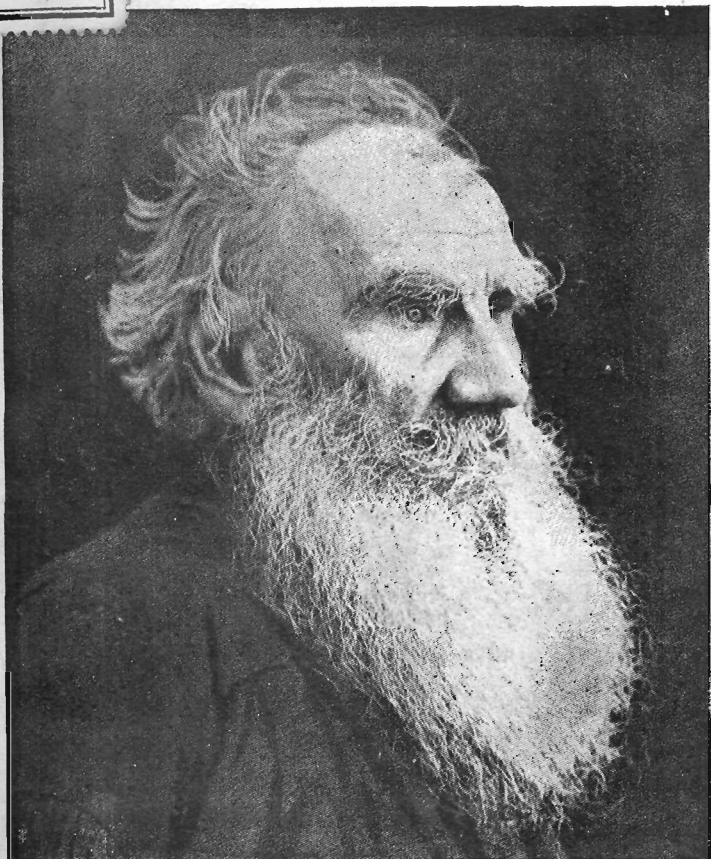

№
430 б.

8. 412

3432

11

Александр Толстой
О ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ.

Цена 1 руб.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

О

ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ

И

== ЛЮБВИ. ==

=====

Соч. Вл. Вольфсона.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. П. Богельмана. Больш. Московская, 15.

Вступленіе.

Замѣчательнымъ произведеніемъ своимъ, озаглавленнымъ «Крейцера соната», графъ Л. Н. Толстой произвелъ могучій переворотъ въ прочно установившихся взглядахъ на половую дѣятельность и половыя отношенія человѣка. Идея, высказываемая имъ въ этомъ произведеніи, само собою разумѣется, носятъ исключительно этическій характеръ, т. е. затронутые вопросы разработаны исключительно съ точки зрѣнія нравственности; да иной точки зрѣнія въ произведеніи графа Л. Н. Толстого, отнодь не носящемъ характера научнаго изслѣдованія, и быть не могло. Въ виду чрезвычайной важности затронутыхъ въ немъ вопросовъ, мы рѣшили подвергнуть всѣ вытекающія изъ него положенія холодному научному анализу, т. е. изслѣдовать ихъ съ точки зрѣнія физиологіи и гигіены. Имѣя подъ собою такую почву, воззрѣнія графа Л. Н. Толстого должны или утратить свое значеніе, или, наоборотъ, превратиться въ непреложные законы, долженствующіе руководить человѣческимъ поведеніемъ.

Положенія, вытекающія изъ «Крейцеровой сонаты», слѣдующія:

1) Мужчины до вступленія въ бракъ, какъ и женщины, должны быть цѣломудренны; развратъ (блудъ) и проституція, въ какой бы то ни было формѣ, не могутъ быть допустимы въ человѣческомъ обществѣ.

2) Вступая въ бракъ, какъ мужчины, такъ и женщины, должны руководиться сознаніемъ, что половое общеніе имѣетъ исключительную цѣлью продолженіе рода человѣческаго, иными словами: въ бракъ вступать должны только тѣ, которые считаютъ нужнымъ имѣть дѣтей.

3) Браки, заключенные на почвѣ такъ называемой влюбленности, страстной любви (индивидуализированное половое влеченіе), безъ яснаго сознанія истиннаго назначенія этого влеченія, т. е. съ эгоистическою цѣлью наслаждаться, могутъ быть счастливы только случайно; въ большинствѣ же случаевъ они влекутъ за собою разочарованіе, охлажденіе, раскаяніе, полное равнодушіе, озлобленіе и непамять.

4) Въ настоящее время вступленіе въ бракъ не можетъ считаться ни обязанностью, ни необходимостью по отношенію къ роду человѣческому, такъ какъ, если бы позаботились о томъ громадномъ количествѣ дѣтей, которыя погибаютъ въ первые годы жизни вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ, гигиеническихъ и нравственныхъ условій, то о продолженіи рода человѣческаго новыми браками пришлось бы позаботиться, быть можетъ, черезъ столѣтія.

Вотъ и все. Графъ Л. Н. Толстой не касается браковъ, заключенныхъ подъ вліяніемъ не полового

влеченія, а напримѣръ: а) желанія имѣть «подругу жизни», т. е. не быть одинокимъ, имѣть извѣстную цѣль жизни въ семьѣ, имѣть нравственную опору; б) въ силу общественнаго положенія; в) подъ вліяніемъ чисто духовнаго наслажденія, которое доставляетъ общеніе съ избраннымъ человекомъ; г) по расчету, — каково большинство браковъ въ купечествѣ и крестьянствѣ. Но этихъ браковъ и касаться не для чего, по двумъ причинамъ: 1) одни изъ нихъ (в) — рѣдкія исключенія; 2) всѣ же они, по-скольку въ нихъ входитъ половой элементъ, поднимаются подъ категорію браковъ, заключенныхъ на почвѣ полового влеченія; если же въ нихъ этого ингредиента нѣтъ, то самое понятіе о бракѣ къ нимъ непримѣнимо.

Разберемъ каждое изъ четырехъ положеній графа Л. Н. Толстого въ отдѣльности.

I.

По общераспространенному мнѣнію, съ наступленіемъ у мужчинъ такъ называемой половой зрѣлости, т. е. съ того періода, когда въ сѣменныхъ железахъ (тестикулахъ) мужского организма начинается вырабатываться сѣменная жидкость (сперма) и появляются вторичные половые признаки—зачатки бороды, голосъ болѣе низкаго регистра и др.,—въ немъ неизбѣжно возникаетъ и половое влеченіе, которое требуетъ удовлетворенія; но такъ какъ половая зрѣлость для юношей большинства культурныхъ народовъ наступаетъ въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ, а нерѣдко даже въ 14—15 лѣтъ, бракъ же въ этомъ возрастѣ пемыслимъ, то единственнымъ исходомъ является блудъ, т. е. половое общеніе, которое не влечетъ за собою никакихъ соціальныхъ и нравственныхъ обязательствъ; въ виду этого контролируемая проституція является единственно разумнымъ средствомъ удовлетворенія нормальной потребности юношескаго организма. Опанизмъ, конечно, признается безусловно вреднымъ, но естественное половое общеніе—даже полезнымъ, если не злоупотреблять имъ и не заражаться сифилисомъ и венерическими болѣзнями, такъ какъ муж-

ской организмъ, въ юношескомъ возрастѣ въ особенностяхъ, долженъ освобождаться отъ накапливающейся въ его тестикулахъ спермы; если же онъ не будетъ отъ нея освобождаться, то наступятъ разныя болѣе или менѣе тяжкія первныя и иныя разстройства.

Таково ходячее мнѣніе; его придерживается огромное большинство такъ наз. образованныхъ людей, отцовъ, матерей, педагоговъ и даже врачей. Между тѣмъ, мнѣніе это радикально ошибочно.

Сперма лишь въ очень рѣдкихъ патологическихъ случаяхъ вырабатывается тестикулами въ избыточномъ количествѣ. Въ нормальномъ же мужскомъ организмѣ она всасывается кровеносными и лимфатическими сосудами и попадаетъ въ кровь, являясь крайне важною составною частью ея. Этотъ фактъ былъ эмпирически констатированъ уже лѣтъ семьдесятъ тому назадъ *Гуффеландомъ*, но въ наше время онъ экспериментально подтвержденъ блестящими опытами *Броунъ-Секара* и открытіемъ *Пеля*; этому послѣднему удалось химическимъ способомъ выдѣлить изъ спермы млекопитающихъ особое вещество, которое, не играя никакой роли при оплодотвореніи, имѣетъ совершенно иное фізіологическое значеніе, а именно: оно значительно усиливаетъ внутриорганное окисленіе, совершающееся не на счетъ кислорода воздуха, а на счетъ кислорода тканей; другими словами: вещество это содѣйствуетъ обмѣну веществъ, питанію организма. Оно было названо проф. *Менделѣвымъ* Sperminum Poehl; химическій составъ его $C_5H_{14}N_2$ (5 частицъ углерода, 14 — водорода, 2 — азота). Лѣченіе сперминомъ при-

мѣнимъ именно въ тѣхъ болѣзняхъ, въ которыхъ главнымъ моментомъ является упадокъ, ослабленіе внутриорганнаго окисленія, проще—упадокъ питанія; таковы: малокровіе, нейрастенія, сахарное мочеизнуреніе, бугорчатка и многія заразныя болѣзни вообще.

Слѣдовательно, сперма имѣетъ въ организмѣ значеніе не только жидкости, служащей для размноженія, но и жидкости, необходимой для питанія, и потому сбереженіе ея укрѣпляетъ организмъ и усиливаетъ его ростъ и развитіе. При нормальныхъ условіяхъ никогда не могутъ имѣть мѣста произвольныя изверженія спермы (поллюціи) отъ «переполненія» тестикуловъ. Это переполненіе является чистѣйшимъ вымысломъ въ оправданіе блуда. Уже одинъ тотъ фактъ, что произвольныя изверженія спермы происходятъ только во время сна, тогда какъ, наоборотъ, всякія иныя, нормальныя изверженія (мочепусканіе, испражненіе) у здороваго человѣка—только во время бодрствованія, прямо доказываетъ, что они обусловливаются не потребностью организма освободиться отъ ненужной или вредной жидкости, но ослабленіемъ сознательной дѣятельности головного мозга, проявляющимся въ эротическихъ сновидѣніяхъ. Если днемъ молодой человѣкъ слышалъ сальные разговоры, читалъ соблазнительный романъ, разсматривалъ фотографическія карточки съ изображеніями голыхъ женщинъ и т. д., то половое возбужденіе, которое онъ днемъ превозмогалъ работой мозга, направленной въ иную сторону, не пропадаетъ безслѣдно, но принимаетъ скрытую форму; когда же эта работа мозга во время

сна прекращается, то половое возбужденіе всецѣло овладѣваетъ мозгомъ, передается первамъ, завѣдывающимъ механизмомъ изверженія спермы, и послѣднее совершается. Гораздо рѣже случаи, когда поллюціи бываютъ безъ всякихъ эротическихъ сповидѣній и при томъ у людей уже не молодыхъ, не интересующихся никакими скабрзностями; всѣ эти случаи надо отнести къ переполненію желудка и кишекъ, или къ употребленію въ пищу острыхъ приправъ, содержащихъ перецъ, эстрагонъ, горчицу и др. Запоры являются перѣдко причиною поллюцій; во время сна, кровь, не отвлекаемая дѣятельностью мозга и мышцъ, приливаетъ къ брюшнымъ и тазовымъ органамъ, что можетъ вызвать возбужденіе половыхъ нервовъ; то же возбужденіе можетъ быть вызвано и непосредственнымъ давленіемъ брюшныхъ и тазовыхъ внутренностей на эти нервы: лежаніе на спинѣ во время сна—одна изъ очень частыхъ причинъ поллюцій.

Но каковы бы ни были причины произвольныхъ изверженій спермы, никоимъ образомъ нельзя считать эти послѣднія нормальною потребностью организма «освободиться отъ избытка спермы». Въ тестикулахъ и сѣменныхъ пузырькахъ обыкновенно содержится лишь очень небольшое количество спермы, а между тѣмъ она вырабатывается непрерывно, съ періода наступленія половой зрѣлости до періода прекращенія дѣятельности тестикуловъ въ глубокой старости. Куда она дѣвается, мы уже выяснили. Питаніе организма, истощаемаго частыми потерями спермы тѣмъ или инымъ путемъ (онанизмъ, поллюція, блудъ, злоупотребленіе брачнымъ ложемъ); бы-

стро падаетъ, нерѣдко до того, что человѣкъ сорока лѣтъ становится похожимъ на хилаго старика. У кастратовъ (стало быть, лишенныхъ спермы) наблюдается ожирѣніе, т. е. развитіе въ тѣлѣ недѣятельной жировой ткани и крайне раннее появленіе морщинъ — признаки упадка питанія; если же кастраты при всемъ томъ чувствуютъ себя здоровыми, бодрыми и доживаютъ до старости, то это объясняется отсутствіемъ сильныхъ нервныхъ возбужденій, такъ какъ при кастрированіи, если оно произведено до наступленія половой зрѣлости, половой инстинктъ не развивается, за рѣдкими исключеніями. Половые эксцессы принадлежать къ числу сильнѣйшихъ нервныхъ раздражителей, и потому человѣкъ, изуродованный кастраціей, чуждый имъ, можетъ пользоваться даже лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ человѣкъ нормальный, но предающійся имъ. У нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ у воловъ и лошадей, дѣло обстоитъ иначе: здѣсь кастрація ведетъ къ увеличенію мышечной силы, и именно съ этою цѣлью она производится. Объясняется это, однако, только тренированіемъ, т. е. искусственнымъ воздѣйствіемъ на животныхъ; будучи предоставлены сами себѣ, волы и меринны точно такъ же ожирѣли бы, какъ кастрированные люди, коты и собаки.

Итакъ, необходимо признать, что сперма нужна организму мужчины не только какъ оплодотворяющая жидкость, но и какъ жидкость, содѣйствующая питанію его; о томъ же, что этотъ организмъ, достигши половой зрѣлости, долженъ освобождаться отъ мнимыхъ избытковъ спермы, рѣчи быть не можетъ; утверждать это — столь же неосновательно,

какъ утверждать, что человѣческій организмъ долженъ освобождаться отъ избытка крови кровопусканіями, что, какъ извѣстно, практиковалось до очень недавняго времени врачами, недалеко ушедшими отъ молъеровскихъ.

Что касается такъ называемой половой зрѣлости, то и въ этомъ отношеніи ходячія мнѣнія совершенно ошибочны. Дѣвочка 14 лѣтъ, у которой появились менструаціи, отнюдь еще не можетъ считаться зрѣлой въ половомъ отношеніи, т. е. созрѣвшей для полового общенія и дѣторожденія. Точно также мальчикъ 15 — 16 лѣтъ, у котораго появилась въ теститулахъ сперма, не можетъ еще считаться достигшимъ половой зрѣлости. Въ этомъ возрастѣ организмъ еще далеко не сформировался окончательно: пока не прекратился процессъ роста, организмъ никакимъ образомъ не можетъ считаться зрѣлымъ, а ростъ прекращается въ огромномъ большинствѣ случаевъ позже наступленія половой «зрѣлости». Для организма, не окончательно сформированнаго, чрезвычайно вредно тратить матеріаль и энергію на продолженіе рода, такъ какъ этотъ матеріаль и эта энергія еще нужны ему самому. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ во Франціи, на 1000 женатыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ умирало въ опредѣленный періодъ времени 29,3; на 1000 же холостыхъ того же возраста умирало за тотъ же періодъ лишь 6,7; для женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ цифра смертности (за тотъ же періодъ) такая: для замужнихъ 14,0, для незамужнихъ 8,0 на 1000. Цифры эти говорятъ сами за себя; по всей вѣроятности онѣ ниже дѣйствительныхъ

среднихъ цифръ, такъ какъ по другимъ наблюденіямъ въ той же Франціи смертность женатыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ въ восемь разъ больше смертности холостыхъ того же возраста.

Для дѣвушекъ періодъ половой зрѣлости можетъ считаться наступившимъ лишь года 2—3 спустя послѣ первой менструаціи; для мужчинъ—со времени полного развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ, когда выростетъ борода, а не пушокъ; для обоихъ половъ — во всякомъ случаѣ не ранѣе полного завершенія роста и развитія всѣхъ внутреннихъ органовъ и частей тѣла; изъ числа послѣднихъ особенно поздно завершается развитіе грудной клѣтки у мужчинъ и таза у дѣвушекъ.

Но спрашивается: если все это такъ, то отчего же у юношей и дѣвушекъ въ періодѣ наступленія половой зрѣлости и даже раньше обнаруживаются несомнѣнные половыя влеченія, въ особенности у первыхъ? На этотъ вопросъ мы безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаемъ: отъ воспитанія. Организмъ современнаго человѣка подвергается съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста всѣмъ вліяніямъ, какія только можно изобрѣсти для возбужденія полового инстинкта. Прежде всего мы вишимъ родителей, которые слишкомъ мало стѣсняются присутствіемъ своихъ дѣтей, оправдываясь тѣмъ, что «онъ (она) вѣдь ничего не понимаетъ»; а между тѣмъ объятія и поцѣлуи не ускользаютъ отъ вниманія даже очень малыхъ дѣтей, не говоря уже о подросткахъ. Совмѣстное спанье родителей также служитъ интереснѣйшимъ объектомъ размышленія (если только не наблюденія) для подростковъ. Затѣмъ разговоры въ присутствіи

дѣтей о пикантѣйшихъ предметахъ. «Вѣдь онъ (она) ничего не понимаетъ». Да, не понимаетъ; но первое возбужденіе дано — смутное, неопредѣленное, но неотразимое. О низшихъ сословіяхъ мы ужъ не говоримъ: одни ругательства нашего простолюдинья способны развратить любого ребенка; кромѣ того, тамъ отсутствіе стѣсненій со стороны родителей предъ дѣтьми доходить до чудовищной степени.

Немаловажное значеніе имѣютъ также иллюстрированные журналы, оставляемые въ полное распоряженіе подростковъ въ отсутствіе родителей, а то и въ присутствіи ихъ. «Вѣдь онъ (она) ничего не понимаетъ». Между тѣмъ, въ иллюстрированныхъ журналахъ «тѣлесное оголѣніе» фигурируетъ сплошь и рядомъ; конечно, все это очень художественно и преслѣдуетъ высшія цѣли (искусство, эстетика, красота), но дѣло въ томъ, что у подростка все это художество искусственно возбуждаетъ половой инстинктъ и можетъ служить причиной опанизма. Если же въ семьѣ имѣются дѣти старшаго возраста, 14 — 16 лѣтъ, то не только иллюстраціи, но и не иллюстрированныя книги беллетристическаго содержанія, главнымъ образомъ романы съ любовной канителью, могутъ явиться искусственными возбудителями полового инстинкта, тѣмъ болѣе, что въ этомъ возрастѣ критическаго отношенія къ прочитанному нѣтъ и быть не можетъ. Впрочемъ, о вредѣ чтенія любовныхъ романовъ въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ уже столько говорили и писали, что на этой темѣ мы останавливаться не будемъ.

Въ буржуазныхъ и аристократическихъ семьяхъ есть еще одно развращающее вліяніе — прислуга.

нерѣдко являющаяся самою интимною собесѣдницею подростковъ, а у подростковъ замѣчается очень характерная черта: они интересуются болѣе всего тѣмъ, чѣмъ имъ совсѣмъ не слѣдовало бы интересоваться, что, въ свою очередь, также является результатомъ совершенно нераціональнаго воспитанія. Мальчикъ или дѣвочка двѣнадцати лѣтъ вдругъ задаетъ вопросъ: откуда берутся дѣти? Хорошо еще, если онъ (она) задастъ этотъ вопросъ родителямъ: тѣ наговорятъ чепухи, и тѣмъ дѣло кончится; по горю ребенку, если онъ съ этимъ вопросомъ обратится къ «болѣе развитымъ» сверстникамъ или къ нашей развращенной прислугѣ! То, что онъ услышитъ, отравитъ его мозгъ и разожжетъ въ немъ половую похоть до того, что о борьбѣ и сопротивленіи не можетъ быть и рѣчи. Одно средство избавиться отъ пестеримаго и непонятнаго перваго возбужденія — онализмъ. Среди дѣвочекъ это ужасающее зло распространено въ значительно меньшей мѣрѣ, но не по недостатку развращающихъ вліяній, но просто въ силу того, что въ женскомъ организмѣ половой инстинктъ гораздо слабѣе: преобладающій инстинктъ этого организма — материнскій, который въ организмѣ мужскомъ, напротивъ, развитъ слабо. Впослѣдствіи, когда юноша 17—18 лѣтъ, «спасшійся» (иногда по совѣту «спеціалиста») отъ онализма блудомъ, начинаетъ частенько возвращаться домой послѣ полуночи, то чадолюбивые родители, заботливо покачивая головой (но и улыбаясь въ то же время), шепчутъ другъ другу: «Раненько, раненько сталъ пошаливать нашъ Вася (Митя, Коля). Ничего не подѣлаешь — такой возрастъ». Въ концѣ концовъ

они рѣшаютъ, что это нормально, потому что молодому человѣку необходимо переболѣться (austoben lassen у немцевъ), лишь бы не заразился сифилисомъ.

Школа является не менѣе ужаснымъ развратителемъ подростковъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что онанизмъ и педерастія являются очень распространенными пороками въ закрытыхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обставленныхъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и снабженныхъ многочисленнымъ учебно-воспитательнымъ персоналомъ. Лучшие педагоги, лучшіе профессора; а между тѣмъ, какіе ужасы въ дортоарахъ и клозетахъ! Развращаютъ сверстники сверстниковъ, большіе малыхъ. Съ истинно звѣрской злобой относятся «товарищи» къ ребенку, случайно уцѣлѣвшему отъ онанизма и невинному въ полномъ смыслѣ слова. Развращеніе его представляетъ для нихъ особую прелесть. Въ учебныхъ заведеніяхъ безъ интернатовъ дѣло обстоитъ уже лучше; но и тамъ, какъ спастись подростку отъ развращающихъ сабныхъ разговоровъ, отъ вопросовъ, задаваемыхъ развращенными неразвращеннымъ, отъ мерзостныхъ фотографій и еще болѣе мерзостныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ руками школьниковъ? Только особенно счастливыя патуры, понавѣ въ учебное заведеніе съ дѣтства, могутъ уцѣлѣть, не унося съ собою вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ сѣмя разврата, или, по меньшей мѣрѣ, совершенно превратныхъ понятій о половой дѣятельности человѣческаго организма.

Но вотъ, труднѣйшая, опаснѣйшая пора миновала такъ или иначе. Юноша, уже достаточно развращенный, поступаетъ въ высшее учебное заведе-

ніе. Онь чувствуетъ себя на свободѣ, а подь свободой разумѣють слѣдующее: 1) уходъ изъ дому безъ спроса и возвращеніе домой въ любой часъ ночи; 2) чтеніе какихъ угодно книгъ; 3) куреніе; 4) посѣщеніе трактировъ, кафе-шантановъ, домовъ терпимости и одишечекъ. Все это дѣлалось уже и раньше, но тайкомъ, или съ выговорами; совершенно новымъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, является 5) пьянство. До какой степени развито пьянство среди учащейся молодежи—всѣмъ извѣстно; между тѣмъ, алкоголь является сильнѣйшимъ возбуждителемъ мозга; особенно рѣзко дѣйствуетъ онь на тѣ первыя центры, которые заведываютъ инстинктами разрушенія и половымъ. Пьянство является началомъ и неизбѣжнымъ спутникомъ разврата. Не всякій войдетъ въ домъ терпимости, будучи трезвымъ; но пьяный, сбросившій съ себя всѣ оковы разума, нравственности и совѣсти, входитъ туда совершенно свободно. Блудъ и пьянство неразлучны. Оно и понятно: мыслимо ли, чтобы нормальный человѣкъ, принадлежащій къ числу такъ называемыхъ образованныхъ, вошелъ въ заведеніе, гдѣ торгуютъ женскимъ тѣломъ, выбралъ бы себѣ жалкое, постыдное, обреченное на гибель существо во образѣ проститутки и вступилъ бы съ нимъ въ интимнѣйшія т. е. въ половыя отношенія, съ тѣмъ, чтобы безслѣдно прекратить ихъ черезъ часъ? Ясное дѣло, что это немыслимо. Это противорѣчитъ человѣческой природѣ, это не согласуется съ основными свойствами и главнѣйшими функціями человѣческаго организма, такъ какъ этотъ организмъ въ значительно высшей мѣрѣ, чѣмъ организмъ животныхъ, приспособленъ

къ жизни, регулируемой нравственными и социальными инстинктами. Мы уже не станемъ говорить о физическомъ вредѣ, объ опасности зараженія венерическими болѣзнями (*urethritis* — триперъ, *ulcus molle* — мягкій шанкръ), чрезвычайно распространенными среди молодежи, и сифилисомъ; отъ этихъ болѣзней еще можно исцѣлиться (хотя радикальныхъ средствъ противъ нихъ нѣтъ), но отъ нравственнаго вреда, причиняемаго блудомъ, никакихъ средствъ еще не придумано, да едва ли они и могутъ быть изобрѣтены. Вредъ этотъ заключается въ извращеніи всей природы человѣка и приниженіи его высшихъ нравственныхъ свойствъ, являющихся единственнымъ источникомъ блага и прогресса, личнаго и общественнаго. Полигамное животное (собака, лошадь, быкъ), для котораго половой актъ не соединенъ ни съ какими иными отношеніями, кромѣ половыхъ, несомнѣнно выше человѣка, предающагося блуду. Почему?—Потому что стихійная сила, побуждающая его совершить этотъ актъ, служить для поддержанія вида. Животное не развратничаетъ, но размножается; полигамія является у животныхъ одною изъ формъ размноженія, и только; къ тому же, эта форма вовсе не безусловна, такъ какъ многихъ полигамныхъ животныхъ весьма легко обратитъ въ моногамныхъ, если лишить ихъ соблазна. Совершенно не то представляетъ собою человѣкъ, предающійся блуду: не природный инстинктъ размноженія руководитъ имъ, напротивъ, размноженіе — одно изъ непріятнѣйшихъ осложненій блуда; половое общеніе безъ всякихъ послѣдствій — вотъ идеаль блуда. Но вѣдь этотъ идеаль совершенно противорѣчитъ всѣмъ психическимъ свой-

ствамъ человѣческаго организма: видовой инстинктъ, превращенный въ инстинктъ индивидуальный, это — уродство, это — искусственное калѣченіе функций головного мозга. Только этимъ и объясняется, почему блудъ оставляетъ въ душѣ развратника такое тяжелое чувство, весьма похожее на угрызенія совѣсти, на раскаянье; иногда даже пьянствомъ нельзя заглушить это чувство; у молодыхъ, не слишкомъ развратныхъ людей оно является послѣ каждой безпутно проведенной ночи, а зачастую и во время этой ночи. Впрочемъ, молодые люди въ большинствѣ случаевъ тщательно скрываютъ его; они стыдятся его; другъ другу они рассказываютъ (сильно привирая) о своихъ блудныхъ походахъ, не касаясь этого нецрїятнаго осложненія, чтобы не быть поднятыми на смѣхъ.

Особою формою блуда являются вибратчныя «связи» молодежи. Д—тъ и П—тъ, молодой развратный студентъ и молодая развратница, имъ увлекаемая; страстная любовь, кутежи, разбѣжка на лихачахъ, ревность, — словомъ, блудъ. Въ результатѣ — убійство въ полупьяномъ видѣ въ номерѣ гостиницы. Вдумайтесь только въ это дѣло поглубже. Представляетъ ли оно собою что-либо новое, исключительное, выдающееся изъ ряда вонъ? Ничуть. Изъ ряда выдающимся фактомъ является только финалъ, т. е. убійство; все остальное — обыденнѣйшая, пошлѣйшая блудная канитель. Молодые люди (онъ и она) понравились другъ другу, «влюбились» другъ въ друга; иными словами, почувствовали потребность полового общенія безъ дѣторожденій; опасность таковыхъ была впрочемъ невелика, такъ какъ развратныя женщины въ

большинствѣ случаевъ безплодны (одна изъ причинъ ихъ безплодія—перенесенныя венерическія болѣзни, или сифилисъ). Влюбились другъ въ друга и сошлись. Удовлетвореніе личныхъ страстей, къ тому же совершенно искусственно развившихся благодаря убогому воспитанію,—вотъ основа этого сближенія; но такъ какъ основа эта не соотвѣтствуетъ нормальнымъ потребностямъ человѣка, существа въ высокой степени соціальнаго и потому не находящаго удовлетворенія въ исключительно личныхъ, эгоистическихъ чувствахъ, то въ результатѣ явилось,—конечно, совершенно безсознательно, —недовольство, сначала скрывавшееся, но затѣмъ настолько усилившееся, что скрывать его стало уже невозможно. Пьянство помогало, но не надолго. Эти два жалкихъ существа съ извращеннымъ половымъ инстинктомъ, превратившимся въ нихъ изъ видового въ индивидуальный, стояція ниже животныхъ, чужды всего общечеловѣческаго, чужды мысли, чужды всякаго пониманія человѣческой жизни и назначенія человѣка,—надоѣли другъ другу. Могло ли быть иначе? Но разойтись, сознавшись въ своей гнусности, они не могли. На сцену выступили фальшивая ревность и очень искреннія денежныя осложненія. Искусственно раздуваемая пьянствомъ ревность привела къ трагической развязкѣ.

Трудно сказать, что хуже: посѣщать проститутокъ, или имѣть любовницу. Съ точки зрѣнія сифилидологіи, конечно, предпочтительнѣе послѣднее; но съ точки зрѣнія гігіены, не имѣющей права игнорировать нравственныя свойства человѣческаго организма, и то и другое губельно. Въ обоихъ случаяхъ

имѣется въ виду удовлетвореніе полового инстинкта, понимаемаго исключительно въ смыслѣ личнаго наслажденія и въ силу этого извращающаго всю природу человѣка и понижающаго его нравственный обликъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ калѣбчащаго его характеръ, его жизнь, его дѣятельность. Кромѣ того, подобныя связи въ большинствѣ случаевъ ведутъ къ эксцессамъ, а зачастую и къ полному извращенію полового акта, что уже прямо вредно въ физическомъ отношеніи.

Однимъ изъ опаснѣйшихъ въ физическомъ отношеніи послѣдствій блуда являются венерическія болѣзни, въ особенности уретритъ (триперъ), отъ котораго не спасается почти что ни одинъ современный мужчина, и сифилисъ, отъ котораго многіе, по счастливой случайности, еще спасаются. Уретритъ считается «пустякомъ», «дѣтскою болѣзною», «насморкомъ»; но на самомъ дѣлѣ это болѣзнь очень серьезная и совершенно излѣчиться отъ нея чрезвычайно трудно; въ огромномъ большинствѣ случаевъ она принимаетъ хроническую форму. Болѣзнь эта опасна еще тѣмъ, что не мѣшаетъ мужчинамъ ни работать, ни вступать въ бракъ; а между тѣмъ уретритъ очень заразителенъ; для женщины же онъ является болѣзною фатальною. Вотъ что говоритъ по этому поводу нашъ знаменитый сифилидологъ проф. *Петерсенъ* въ своемъ докладѣ съѣзду сифилидологовъ въ С.-Петербургѣ въ 1897 году:

«Не далеко еще то время (да и до сихъ поръ, даже и среди врачей, еще можно встрѣтить подобный взглядъ), когда считали urethritis самой невинной болѣзною, болѣзною, чрезъ которую неизбежно долженъ пройти молодой человѣкъ въ первыхъ го-

дахъ удовлетворенія половой потребности. Какъ часто приходилось слышать и изъ устъ врачей: «да это ничего, только триперъ». Однако, съ тѣхъ поръ, какъ были открыты микроорганизмы *urethritis* (гонососси), и специалисты по женскимъ болѣзнямъ стали обращать на нихъ свое вниманіе, роль ихъ вскорѣ выяснилась, такъ какъ часто гонококки у женщинъ поражаютъ не только мочевоѣ каналъ или пузырь, но матку и ея придатки, и составляютъ главную причину стель частаго у женщинъ хроническаго воспаленія придатковъ матки и ея окружности. А вѣдь хроническіе параметриты въ значительной степени распространены, значительно уменьшаютъ производительность женщинъ и отнимаютъ у нихъ способность къ труду. Если къ тому еще прибавить, что гонококки могутъ проникать и въ суставы, вызывая весьма продолжительныя воспаленія ихъ, и даже могутъ быть причиною *endocarditis* *) съ смертельнымъ исходомъ, тогда дѣлается легко понятнымъ, что мы должны смотрѣть на *urethritis*, какъ на серьезную болѣзнь, и мѣропріятія противъ нея слѣдуетъ считать насущною потребностью».

Но этимъ не ограничиваются послѣдствія уретрита у женщинъ. На уретритъ въ его начальной формѣ у женщинъ, на такъ называемыя бѣли, которыми замужнія женщины заражаются отъ мужей, не вполнѣ излѣчившихся отъ уретрита, въ особенности въ сельскомъ населеніи, обращаютъ очень мало вниманія; а между тѣмъ бѣли являются причиною бленнорреи глазъ (гнойнаго воспаленія глазъ) у новорожденныхъ — болѣзни, кончающей слѣпотою. Статистическими изслѣдованіями, произведенными во всѣхъ убѣжищахъ для слѣпыхъ въ Европѣ, неопровержимо доказано, что около одной трети общаго числа слѣпыхъ лишились зрѣнія вскорѣ послѣ появленія своего на свѣтъ, вследствие бленнорреи глазъ. Вотъ, какія послѣдствія имѣетъ «дѣтская»

*) Воспаленіе внутренней оболочки сердца.

болѣзнь, называемая уретритомъ или триперомъ. А между тѣмъ зачастую молодые люди въ товарищеской компаніи даже похваляются: «у меня ихъ было штукъ восемь», т. е. восемь разъ заболѣвалъ острымъ уретритомъ. Болѣзнь эта отнюдь не мѣстная, какъ думали до послѣдняго времени; гонококки уретрита разносятся кровянымъ токомъ по всѣмъ тканямъ и органамъ, сильно нарушая питаніе организма. Въ хронической формѣ заразительность уретрита нисколько не ослабѣваетъ. Жениться, не вылѣчившись отъ сифилиса, считается неудобнымъ; но жениться съ хроническимъ триперомъ считается даже полезнымъ, такъ какъ онъ отъ этого будто бы проходить. Въ этомъ отношеніи образованные классы не далеко ушли отъ фабричныхъ и солдатъ; невѣжество ихъ во всемъ, что касается половой дѣятельности человѣческаго организма, безгранично. Поразительно то, что въ средѣ учащейся молодежи по легкомысленному отношенію къ половымъ эксцессамъ (по разврату) не отличаются отъ другихъ студенты-медики, даже высшихъ курсовъ; а вѣдь имъ, казалось бы, должны быть хорошо извѣстны патологическія послѣдствія какъ блуда, такъ и пьянства. Впрочемъ, изрѣдка даже среди врачей можно встрѣтить людей, поступающихъ нисколько не лучше и тѣмъ подающихъ спасительныи примѣры своимъ будущимъ коллегамъ.

Половой инстинктъ, искусственно перевозбуждаемый съ дѣтства, становится настолько могущественнымъ, что является въ послѣдствіи преобладающимъ надъ всѣми остальными функціями головного мозга; никакая наука, никакая ученость не спасаютъ; чело-

вѣкъ, вполне сознавая, что дѣлаетъ мерзость, опасную въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, все-таки дѣлаетъ ее, потому что слабые зачатки нравственныхъ началъ, о развитіи которыхъ никто не позаботился, безсильны въ борьбѣ съ половымъ инстинктомъ. Величайшіе гении древней Греціи, подарившіе міру грандіозныя философскія, этическія и политическія системы, были педерастами, будучи въ то же время проповѣдниками самой высокой нравственности. Не могли же Сократъ или Платонъ не сознавать всей гнусности этого порока; а между тѣмъ «пиры» Платона, во время которыхъ обсуждались глубочайшіе вопросы религіи, философіи, этики, социологіи, права, — кончались мерзостными оргіями, ничѣмъ не отличавшимися отъ оргій какого-нибудь Тиверія, Нерона, Калигулы, Веспасіана.

Самъ по себѣ половой инстинктъ въ человѣкѣ очень слабъ, въ виду преобладанія умственныхъ и социальныхъ свойствъ надъ всѣми остальными. Одного взгляда на человѣческій головной мозгъ достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ. Главную массу его образуютъ полушарія, покрывающія, подобно шапкѣ, всѣ остальныя части; въ полушаріяхъ же безспорно сосредоточены высшія психическія отправления мозга. Центры, заведывающіе движеніями тѣла, дыханіемъ, кровообращеніемъ, выдѣленіемъ, дѣятельностью полового аппарата (центръ полового инстинкта), сосредоточены въ мозжечкѣ и продолговатомъ мозгѣ, имѣющихъ очень незначительныя размѣры у человѣка сравнительно съ животными, даже высшими, у которыхъ полушарія отнюдь не покрываютъ остальныхъ частей мозга и отличаются далеко не такимъ

количествомъ извилинъ. Затѣмъ, обращаясь къ дѣятельности полового аппарата человѣка, мы также находимъ полное подтвержденіе тому, что дѣятельность эта крайне незначительна сравнительно съ половой дѣятельностью большинства животныхъ. У послѣднихъ наблюдаются извѣстные, строго опредѣленные періоды крайняго возбужденія полового инстинкта, такъ пазываемыя «течки». Во время течки (вѣрнѣе, къ концу ея) животные всецѣло подпадаютъ воздѣйствію этого инстинкта и безудержно стремятся къ совершенію полового акта. У самцовъ течка обуславливается дѣйствительно избыточнымъ накопленіемъ спермы, которая вѣрѣе періодовъ течки вырабатывается въ значительно меньшемъ количествѣ; течка у самцовъ сопровождается большимъ безпокойствомъ, которое часто доходитъ до ярости; самки также обнаруживаютъ самые разнообразныя признаки безпокойства; иногда онѣ отказываются отъ пищи, ихъ голосъ мѣняется; онѣ стараются приблизиться къ самцамъ и побудить ихъ къ соитію. Ничего подобнаго не наблюдается въ человѣкѣ; никакихъ періодическихъ накопленій спермы у мужчины не бываетъ, а образуется она, какъ сказано, въ тестикулахъ непрерывно и всасывается капиллярами, доставляющими съ кровянымъ токомъ организму необходимый для его питанія, такъ сказать, безплатный сперминъ. Никакого полового влеченія женщина во время менструацій не чувствуетъ, да и самый половой актъ въ этомъ періодѣ — нѣчто чудовищно-безобразное. Вообще менструаціи имѣютъ съ течкою животныхъ только то общее, что и онѣ совпадаютъ съ періодомъ овуляціи, т. е. съ періо-

домъ созрѣванія яйца и выходженія его изъ ячника; но, тогда какъ у самокъ животныхъ соитіе и оплодотвореніе возможны только во время течки, такъ какъ въ иное время онѣ не допускаютъ самцовъ (у домашнихъ животныхъ инстинкты искажены вліяніемъ чловѣка), у женщинъ, наоборотъ, оплодотвореніе во время менструаціи невозможно, такъ какъ сперма смывается менструаціонными выдѣленіями. Молодые дѣвушки, воспитанныя въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно процессовъ, совершающихся въ чловѣческомъ организмѣ, и по счастливой случайности не просвѣщенные добрыми подругами, горничными и др., при появленіи первой менструаціи обыкновенно пугаются, плачутъ, не знаютъ, что дѣлать, считаютъ себя погибшими, прячутъ бѣлье и вообще творятъ глупости; но о половомъ влеченіи при этомъ нѣтъ и помину; оно является уже впослѣдствіи, когда онѣ «все понимаютъ», другими словами, когда подруги, горничныя, любовные романы и любовныя драмы съ объятіями и поцѣлуями откроютъ имъ тайну бытія, когда гимназисты и студенты начнутъ шептаться съ ними въ уединенныхъ аллеяхъ, а балльные кавалеры — пожимать сильнѣе чѣмъ слѣдуетъ ручку и запускать нескромные взгляды въ скромное декольтѣ.

Мы настаиваемъ: половой инстинктъ въ чловѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ культурномъ чловѣкѣ, очень слабо развитъ, и совершенное подавленіе его до любого возраста не представляло бы ни малѣйшихъ трудностей при условіи устраненія всѣхъ возбуждающихъ чувственность вліяній, которымъ большинство людей подпадаетъ съ самаго ранняго дѣт-

ства и благодаря которымъ инстинктъ чисто видовой превращается въ инстинктъ индивидуальный, имѣющій цѣлью не размноженіе, но чувственное наслажденіе, безусловно личное, эгоистическое. Не только въ человѣкѣ, но даже въ животныхъ можно совершенно подавить половое влеченіе, не прибѣгая ни къ какому насилію. Вотъ, что говорить по этому поводу въ своей прекрасной книгѣ «Гигіена половой жизни» профессоръ *Риббинъ* (Ribbing):

«Какъ ни сильны половые инстинкты, всетаки ихъ можно преодолѣть даже у нашихъ домашнихъ животныхъ. Я укажу въ особенности на тѣхъ животныхъ, относительно которыхъ я располагаю самымъ большимъ опытомъ: на лошадей. Какъ же-ребца, такъ и кобылу, можно удерживать отъ половыхъ сношеній въ теченіе всей жизни. Достаточно слѣдующихъ средствъ: подходящая, не слишкомъ обильная и не слишкомъ скудная пища, умѣренная дѣятельность и постоянное занятіе, чтобы воображеніе животнаго—поскольку, разумѣется, можно говорить о воображеніи лошади—не подвергалось сильному вліянію инстинкта спариванія. Конечно, у лошади иногда можно замѣтить нѣкоторое безпокойство, возбужденность и т. п., но ихъ легко устранить настойчивостью, не прибѣгая къ излишней суровости. При такихъ условіяхъ всегда получаются желанные результаты, которые просто изумительны, если вспомнить о первоначальной силѣ преодоленнаго инстинкта».

А теперь обратимся къ еще болѣе громкимъ именамъ, къ свѣтиламъ медицины и гигиены, и послушаемъ, что они говорятъ о цѣломудріи и воздержаніи.

Профессоръ *Ляйонель Биль* (Lionel Beale):

«Мнѣніе, будто въ случаѣ невозможности брака необходимъ по фізіологическимъ причинамъ суррогатъ его, лишено всякаго основанія и ложно. Самое строгое цѣломудріе и чистота вполне согласны съ фізіологическими законами, такъ же, какъ и съ

нравственными; потворство страстямъ столь же мало можетъ оправдываться физиологическими или психическими причинами, какъ и нравственно-религіозными. Тысячи людей рождаются, живутъ и всю жизнь сохраняются чистыми, точно на свѣтъ совѣсьмъ нѣтъ зла, хотя оно существуетъ рядомъ съ ними. А если это возможно для многихъ, то отчего же не для всѣхъ?»

Профессоръ *Крафтъ-Эбингъ* (Kraft-Ebing):

«Безчисленное множество нормальныхъ мужчинъ въ состояніи отказаться отъ удовлетворенія половыхъ страстей, при чемъ это вынужденное воздержаніе не причиняетъ никакого вреда ихъ здоровью».

Д-ръ *Уилльямъ Эктонъ* (W. Acton):

«Ежедневно приходится слышать отъ пациентовъ, будто полное воздержаніе въ теченіе нѣкотораго времени вызываетъ у нихъ такую нервность, что они совершенно не могутъ ни на чемъ сосредоточиться. Когда я слышу подобныя жалобы, то я уже знаю, что за ними послѣдуетъ признаніе, которое сразу объяснитъ всѣ эти симптомы, а именно, что пациентъ уже самъ пользовался средствами, которыя произвели блестящіе результаты, что половое сношеніе возвратило студенту возможность продолжать свои занятія, что къ поэту снова вернулась оставившая его муза, художникъ снова получилъ возможность производить замѣчательныя вещи,—лишь только они опорожнили свои сѣменные пузырьки. Дѣло въ томъ, что многіе и преимущественно молодые люди просто рады найти какое-нибудь извиненіе для своихъ плотскихъ вожделѣній, вмѣсто того, чтобы господствовать надъ ними. Я никакъ не сомнѣваюсь, что вышеупомянутыя половыя осложненія сильно преувеличены, а часто и прямо вымышлены. Люди, строго и вполне воздержные, страдаютъ очень мало или даже вовсе не страдаютъ отъ перваго раздраженія, тогда какъ нецѣлomodренныхъ часто постигаютъ подобныя тяготы, причемъ удовлетвореніе инстинкта, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно помочь, требуетъ повторенія, лишь только снова появится непріятные симптомы. У подобныхъ субъектовъ воздержаніе дѣйствительно вызываетъ первое возбужденіе. Тамъ не менѣе, ни одинъ изъ

симптомовъ, какъ бы его ни расписывали, не даетъ права врачу позволять или хотъ оправдывать дальнѣйшее употребленіе того средства, которое лишь поддерживаетъ болѣзнь».

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній прямо вытекаетъ, что *ненскалѣченному воспитаніемъ* мужчинъ воздержаніе не причисляетъ никакихъ страданій; если же человѣкъ ощущаетъ разныя «неудобства», вродѣ приливовъ крови къ головѣ и половымъ органамъ, или перваго возбужденія и т. д., то это или вымышленныя «страданія» въ оправданіе блуда, или же симптомы, вызванные совершенно искусственно: чтеніемъ книгъ эротическаго содержанія, разсматриваніемъ изображеній голыхъ женщинъ, разговорами съ безпутными друзьями-пріятелями, посѣщеніемъ кафешантановъ и пьянствомъ. Нормальный человѣкъ, занятый дѣломъ и окруженный обществомъ людей серьезныхъ, порядочныхъ, никогда никакихъ «неудобствъ» отъ воздержанія не ощутитъ и не можетъ ощутить; напротивъ, онъ будетъ во много разъ здоровѣе любого невоздержнаго женатаго человѣка, не говоря уже о томъ, что онъ будетъ несравненно здоровѣе человѣка, предающагося блуду для устраненія «неудобствъ».

Однако, мы до сихъ поръ говорили лишь о воздержаніи мужчинъ; необходимо сказать кое-что и о воздержаніи женщинъ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи ходячія мнѣнія радикально ошибочны. Ближайшимъ образомъ коснемся вопроса, еще очень мало разработаннаго, — вопроса о такъ называемыхъ старыхъ дѣвахъ.

Воздержаніе (цѣломудріе) считается для незамужнихъ женщинъ у культурныхъ народовъ основ-

нымъ закономъ нравственности; но вѣдь это только потому, что невоздержаніе ведетъ за собою беременность (увы!), тогда какъ мужчина можетъ предаваться блуду безъ всякихъ послѣдствій, если будетъ имѣть дѣло со здоровыми женщинами. При всемъ томъ огромное большинство глубоко убѣждено, что у дѣвушекъ, перешедшихъ извѣстный возрастъ (24—25 лѣтъ), обнаруживаются различныя ненормальности, что неудовлетворенная половая потребность влечетъ за собою первыя болѣзни, нарушеніе менструацій, блѣдную немочь и иные болѣе или менѣе тяжкіе недуги. Когда же перевалить за 35—40 лѣтъ, то дѣвушка превращается въ старую дѣву, существо физически и нравственно ненормальное, почти убогое. Старая дѣва, это—существо тощее, плоскогрудое, долгоносое, близорукое, блѣдное, морщинистое, крайне нервное, злое, завистливое, ехидное, пылающее страстью къ собакамъ, кошкамъ и комнатнымъ птицамъ, такъ какъ эти животныя замѣняютъ старой дѣвѣ дѣтей и даютъ удовольствіе ея материнскому инстинкту, не получившему иного, нормальнаго удовольствія. Таковъ типъ, фигурирующий въ юмористическихъ журналахъ и дѣйствительно сплошь и рядомъ наблюдаемый. Но вотъ вопросъ: являются ли всѣ эти убожества слѣдствіемъ цѣломудрія, а не какихъ-либо другихъ причинъ?—тѣмъ болѣе, что, какъ намъ уже извѣстно, половой инстинктъ развитъ въ женскомъ организмѣ еще слабѣе, чѣмъ въ мужскомъ. Вопросъ этотъ изслѣдованъ мало; но то, что сдѣлано, неопровержимо доказываетъ, что ни такъ называемыя болѣзни дѣвственности (*virginum affectiones*), ни вышеперечисленныя

физическія и нравственныя аномаліи, ничего общаго съ дѣвственностью и воздержаніемъ не имѣютъ. Относительно одной изъ очень распространенныхъ женскихъ болѣзней, истеріи, которую у дѣвушекъ нерѣдко приписываютъ тому, что «ей замужъ пора», т. е. отсутствію удовлетворенія полового инстинкта, мы приведемъ мнѣнія трехъ выдающихся психологовъ.

Крафтз-Эбинз говоритъ объ истеріи слѣдующее:

«Мнѣніе, очень распространенное въ публикѣ, будто эта болѣзнь вызывается недостаточностью естественныхъ функций женщины, есть предразсудокъ, лишенный всякаго основанія. Если старыя дѣвы часто страдаютъ истеріей, то причина ея не физическая, а моральная. Незамужнія женщины, предающіяся вмѣсто семейныхъ заботъ иному серьезному дѣлу, поглощающему ихъ духовные интересы, какъ, напримѣръ, монахини, посвящающія себя уходу за больными и воспитанію дѣтей, въ высшей степени рѣдко страдаютъ истеріей».

Въ другомъ мѣстѣ:

«Крайне печальнымъ признакомъ недостаточности гигиеническаго образованія является то, что въ настоящее время даже врачи нерѣдко возлагаютъ надежду на излѣченіе первыхъ болѣзней, напримѣръ истеріи, посредствомъ брака и иногда рекомендуютъ этотъ шагъ своимъ паціентамъ».

Американскій нейрологъ *Гаммондъ* (Hammond) говоритъ по этому поводу:

«По моему мнѣнію, болѣе сильная склонность незамужнихъ женщинъ къ истеріи объясняется не неудовлетворенностью полового инстинкта или недѣятельностью половыхъ органовъ, но постояннымъ сосредоточеніемъ мыслей и чувствъ на своемъ собственномъ «Я», что при теперешнемъ положеніи незамужнихъ женщинъ почти неизбѣжно. Но я по опыту знаю, что тѣ неза-

мужнія женщины, которыя сами пріобрѣтають средства къ существованію, отнюдь не въ большей степени подвержены истеріи, чѣмъ замужнія».

Еще опредѣленнѣе высказывается профессоръ *Жолли* (Jolly):

«Сканцони, наблюдая значительное число истерическихъ женщинъ, нашелъ, что 75% изъ нихъ имѣли дѣтей, а 65% даже болѣе тронхъ дѣтей. Этимъ опровергается тотъ взглядъ, будто истерія есть *virginum et viduarum affectio* (болѣзнь дѣвъ и вдовъ). Половое воздержаніе можетъ иногда у молодыхъ вдовъ вызвать истерію, такъ же, какъ у женъ импотентныхъ мужей; но гораздо чаще, чѣмъ воздержаніе, ее вызываютъ половыя излишества».

Относительно блѣдной немочи профессоръ *Риббингъ* говоритъ:

«Какъ наука, такъ и ежедневный опытъ показываютъ намъ, что эта болѣзнь отчасти передается по наслѣдству; затѣмъ, что ей подвержены лица обонхъ половъ и всѣхъ возрастовъ, а слѣдовательно связь ея съ половой жизнью болѣе чѣмъ сомнительна, и, наконецъ, что эта болѣзнь имѣетъ много причинъ въ современной культурной жизни».

Далѣе онъ говоритъ о нарушеніяхъ менструацій:

«Нарушенія менструацій встрѣчаются также у замужнихъ, какъ и у незамужнихъ; они часто находятся въ причинной связи съ блѣдною немочью и болѣзненными измѣненіями матки, которыя отнюдь не вызываются ея естественными отправлениями или ихъ отсутствіемъ».

Не слѣдуетъ ли прійти къ заключенію, что ходячія мнѣнія о вредѣ и опасности слишкомъ продолжительнаго цѣломудрія и воздержанія у женщины рѣшительно ни на чемъ не основаны? Во всякомъ случаѣ мнѣніе, въ силу котораго, если у дѣвушки обнаруживаются какія-нибудь ненормальные нервные

симптомы, блѣдная немочь, нарушеніе менструацій и другіе «дѣвичьи» недуги, ее пужно поскорѣе выдать замужъ, и тогда все «какъ рукой сниметь», — чистѣйшая нелѣпость; къ сожалѣнію, иногда и врачи «прописываютъ» это средство, но вѣдь это тѣ же врачи, которые прописываютъ юношамъ, чувствующимъ «неудобства», домъ терпимости, или одиночку.

Что касается указанныхъ типичныхъ уродливостей старыхъ дѣвъ, то онѣ также ничего общаго съ цѣломудріемъ не имѣютъ. Причины ихъ психическія и соціальныя. Дѣвушка, глубоко убѣжденная, что она должна выйти замужъ, убѣжденная потому, что того же мнѣнія придерживаются всѣ окружающіе, засидѣвшись и видя, что ея «счастливыя» подруги получаютъ мужей, начинаетъ прежде всего досадовать, затѣмъ завидовать, потомъ злиться. Подобныя чувства палагаютъ неизбѣжный отпечатокъ на ея душевную дѣятельность, на ея нравственный обликъ, на ея характеръ, что не остается безъ замѣтнаго вліянія и на физическомъ состояніи организма. Въ самомъ дѣлѣ, барышнѣ съ дѣтства внушали, что цѣль ея жизни замужество и только замужество; и учится-то она, и на рояли играетъ только для того, чтобы впослѣдствіи понравиться мужчине того круга, къ которому она принадлежитъ; но разъ эта единственная цѣль жизни не достигнута, то, стало быть, все ученіе и весь рояль пропали даромъ. Какое горькое чувство, вѣрнѣе, какая смѣсь горькихъ чувствъ должна наполнять душу засидѣвшейся! И вотъ, перейдя извѣстный возрастъ, при пасмѣшливомъ отношеніи антуража, а зачастую и при попрекахъ, засидѣвшаяся барышня озлобляется, сосре-

доточивается въ самой себѣ, начинаетъ злиться на весь міръ, и мало по малу ея душевный складъ совершенно искажается. Не видя цѣли въ жизни, не встрѣчая ни симпатіи, ни даже состраданія въ окружающихъ, она постепенно превращается въ озлобленное существо, главный интересъ жизни котораго—злословіе и злорадство. Людей, въ особенности молодежь, она ненавидитъ; если у нея нѣтъ никакой дѣятельности, то потребность «любить» удовлетворяется кошками, собаками, птичками; если же она «съ горя» обращается къ педагогической дѣятельности, то чужія дѣти не внушаютъ ей любви: учительницы изъ старыхъ дѣвъ—самыя черствыя и антипатичныя, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Но при чемъ же тутъ неудовлетвореніе полового инстинкта? Нелѣпый предразсудокъ, внушенный воспитаніемъ и всосавшійся въ плоть и кровь,—вотъ причина всѣхъ уродливыхъ и каррикатурныхъ проявленій организма старыхъ дѣвъ. Въдъ подъ замужествомъ какъ барышни, такъ и родители ихъ, разумѣютъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ разумѣть. Бракъ для нихъ вовсе не установленіе, существующее для поддержанія рода человѣческаго, для сохраненія общества, для обезпеченія благосостоянія и развитія дѣтей посредствомъ правильнаго въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ воспитанія. Отнюдъ нѣтъ: бракъ, это—соединеніе мужчины съ женщиной въ силу того, что они «поправились» другъ другу, или же ради выгоды; бракъ перваго рода называется бракомъ по любви; бракъ втораго рода—бракомъ по расчету. Въ обоихъ случаяхъ—

въ основѣ личныя, индивидуальныя, а не соціальныя побужденія. Выйти замужъ для барышни значитъ: наслаждаться. Если она не вышла замужъ, то, слѣдовательно, она никакихъ наслажденій въ жизни имѣть не можетъ. Отсюда озлобленіе; отсюда типъ старой дѣвы. Но человекъ, проникнутый безспильной злобой и завистью въ теченіе цѣсколькихъ лѣтъ, не можетъ быть нормальнымъ ни въ духовномъ, ни въ физическомъ отношеніи; ненормальное состояніе души неизбежно отражается и на питаніи организма, которое нарушается весьма замѣтно подъ вліяніемъ различныхъ психозовъ. Дѣвушки, воспитанныя иначе, не считающія себя несчастными потому, что не «выскачили» замужъ, но избравшія себѣ иную цѣль въ жизни, напримѣръ, посвятившія себя педагогической дѣятельности не «съ горя», но изъ любви къ ней, никогда не превращаются въ типичныхъ старыхъ дѣвъ и никогда не страдаютъ никакими «болѣзнями воздержанія». Къ сожалѣнію, при общераспространенныхъ чувственно-эротическихъ и торгово-промышленныхъ взглядахъ на бракъ, такія дѣвушки являются рѣдкими исключеніями, однако безусловно подтверждающими все вышесказанное. Старыя дѣвы съ уродливыми духовно-нравственными и физическими особенностями—продуктъ не воздержанія и безбрачія, но исключительно воспитанія.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Сѣмянная жидкость (сперма) служитъ въ мужскомъ организмѣ не только цѣлямъ размноженія, но и цѣлямъ питанія; это—продуктъ отдѣленія, но не выдѣленія, всасываемый кровеносными и лимфати-

ческими сосудами, разносимый кровянымъ токомъ по всемъ тканямъ организма и содѣйствующій, благодаря содержащемуся въ немъ спермину, внутреннему питанію.

2) Появленіе спермы въ тестикулахъ юношей и менструаций у дѣвушекъ не служитъ признакомъ, что они созрѣли для половыхъ сношеній; истинная половая зрѣлость наступаетъ значительно позже, съ прекращеніемъ роста и развитія всехъ внутреннихъ и наружныхъ частей организма.

3) Накопленіе, избытокъ спермы и протекающія отсюда первыя и иныя разстройства у юношей являются вымысломъ въ оправданіе блуда, такъ какъ при нормальныхъ психо-фізіологическихъ условіяхъ никакого избытка спермы, а слѣдовательно и никакихъ разстройствъ организма быть не можетъ; послѣднія всегда являются слѣдствіемъ развращенія мысли въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ.

4) Половой инстинктъ развитъ въ человѣческомъ организмѣ очень слабо, и потому неудовлетвореніе его (воздержаніе, цѣломудріе) не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій.

5) Раннее пробужденіе полового инстинкта у отроковъ и юношей обусловливается исключительно воспитаніемъ, но отнюдь не наступленіемъ мнимой половой зрѣлости. При нормальномъ воспитаніи и отсутствіи соблазна инстинктъ этотъ, даже пробудившись, будучи очень слабымъ, легко и съ пользою для здоровья можетъ быть подавленъ умственною и практическою дѣятельностью, или же внушеннымъ съ дѣтства сознаніемъ, что удовлетвореніе его имѣетъ

цѣлью дѣторожденіе, но не личное наслажденіе, которое является только средствомъ, а не цѣлью.

6) Воздержаніе у дѣвушекъ, нормально воспитанныхъ, точно также не можетъ быть причиною никакихъ болѣзненныхъ проявленій. Такъ называемыя болѣзни дѣвственницъ ничего общаго съ цѣломудріемъ не имѣютъ, но обуславливаются разнообразными патологическими причинами, общими и мѣстными. Физическія и нравственныя аномаліи старыхъ дѣвъ являются результатомъ воспитанія и превратныхъ понятій о бракѣ, но не цѣломудрія.

7) Половое общеніе съ исключительною цѣлью удовлетворенія полового инстинкта, искусственно превращеннаго изъ видового въ личный (блудъ), для человѣка столь же неестественно, какъ онанизмъ и мужеложство. Послѣдствія его одинаково губительны, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

8) Проституція и блудъ являются чудовищными извращеніями человѣческой природы; существованіе ихъ можетъ быть только объяснено, но не оправдано.

II.

Знаменитый критикъ *Георгъ Брандесъ*, обсуждая вопросъ о половыхъ отношеніяхъ, высказываетъ пожеланіе, «чтобы эротическо-этическая жизнь стала совершенно частнымъ дѣломъ». Дѣйствительно, какое дѣло обществу, государству, медицинѣ и гигиенѣ до того, какими помыслами и побужденіями руководствуются люди въ своихъ половыхъ отношеніяхъ, вступая въ бракъ? Желаетъ ли человѣкъ имѣть дѣтей и воспитывать ихъ, желаетъ ли онъ только наслаждаться, желаетъ ли онъ сдѣлать бракомъ карьеру, — какое кому дѣло до этого? Въдѣ тутъ нѣтъ ничего противозаконнаго. Прелюбодѣянiе, изнасилованіе, растлѣніе и мужеложство (только по русскому кодексу) противозаконны; но все остальное — ничуть. Но вотъ бѣда: мало здоровыхъ физически и нравственно людей на свѣтѣ, мало дѣтей безъ унаслѣдованныхъ болѣзней и предрасположеній къ болѣзнямъ, мало дѣтей нормально воспитанныхъ; мало нормальныхъ и счастливыхъ семей; за то чрезвычайно много нервно-и душевно-больныхъ, чахоточныхъ, золотушныхъ, сифилитиковъ, анемичныхъ, диземичныхъ, алкоголи-

ковъ; чрезвычайно много дѣтей съ совершенно искалѣченнымъ воспитаніемъ — будущихъ негодяевъ, развратниковъ и преступниковъ; чрезвычайно много разбитыхъ существованій, расхожденій, разводовъ. А вѣдь все это результаты брака или, вообще, полового общенія мужчины съ женщиной, такъ какъ всѣ дѣти и, слѣдовательно, всѣ люди являются продуктами этого общенія. Множество постороннихъ вліяній можетъ, конечно, сильно подорвать, исковеркать здоровье и духовно-нравственныя силы человѣка — это несомнѣнно; но то, съ чѣмъ человѣкъ является на свѣтъ, и то, что выработано въ немъ воспитаніемъ, является главнѣйшимъ факторомъ въ его жизни, — если можно такъ выразиться, главной основой его организаціи. Организмъ, наполненный уже въ утробѣ матери стрептококками и туберкулезными бациллами, не можетъ быть здоровымъ физически, какой бы гигиеническій образъ жизни человѣкъ ни велъ впослѣдствіи; организмъ, искалѣченный дурными примѣрами и нелѣпымъ воспитаніемъ, не можетъ быть здоровъ нравственно, сколько бы человѣкъ ни трудился впослѣдствіи надъ своимъ саморазвитіемъ. А затѣмъ еще вотъ какія неудобныя явленія: дѣти, брошенныя на произволъ судьбы и обреченныя на вѣрную гибель. Извѣстно ли читателямъ слѣдующее: въ 3 округахъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома по оффиціальнымъ даннымъ *) находится 35.000 питомцевъ обоего пола; на нихъ отпускается ежегодно 111.000 руб., такъ что на каждого питомца приходится 3 руб. 17 коп.

*) См. «Биржевыя Вѣдомости» 2-е изд., 1898, № 310, статья «Погибающія дѣти».

въ годъ, т. е. менѣе 1 коп. въ день; весьма понятно, что «въ первый же годъ пребыванія въ деревнѣ *изъ трехъ питомцевъ умираетъ одинъ* отъ невозможныхъ физическихъ условій». Нисколько не утѣшительны данныя Московскаго воспитательнаго дома; такъ, изъ принятыхъ въ 1896 году 9782 дѣтей умерло 3908; процентъ тотъ же *). По вычисленіямъ профессора *Янжула* «изъ 10 рожденныхъ младенцевъ 8 осуждены на преждевременную смерть, 1 на тюрьму и каторгу и лишь одинъ на жалкую, полную лишеній жизнь».

Да, но скажутъ: воспитательный домъ совершенно не при чемъ, потому что тамъ главный контингентъ — дѣти вибѣрачныя, незаконныя; профессоръ же *Янжулъ* приплетенъ ни къ селу, ни къ городу. Просимъ извиненія, это не совсѣмъ такъ. Мы поставили вопросъ: могутъ ли половыя отношенія быть признаны «совершенно частнымъ дѣломъ», какъ того желаетъ *Георгъ Брандесъ*? Если нѣтъ, то и бракъ, какъ законная форма половыхъ отношеній, не можетъ быть признанъ частнымъ, личнымъ дѣломъ, такъ какъ послѣдствія брака имѣютъ громадное значеніе для общества, для государства, для народа, для страны. Погибающія, брошенныя на произволъ судьбы, вытравляемыя въ утробѣ материнской, задушенныя подкупленными бабками во время родовъ, брошенныя въ выгребныя ямы, брошенныя въ воду и иными способами истребляемыя дѣти дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ являются продуктами вибѣрачныхъ половыхъ отношеній, т. е.

*) См. «Вѣстникъ общест. гігіены, судебной и практ. медицины, изд. Медиц. Департаментомъ», 1898, Ноябрь.

блуда. Но продуктами чего же являются ихъ милые родители? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ — продуктами законнѣйшаго брака. Блудниками и блудницами, промозгло-эгоистичными, безсовѣстными, уступающими въ нравственномъ отношеніи хищнымъ звѣрямъ, они стали подъ вліяніемъ убогаго воспитанія и дурныхъ примѣровъ. Законныя половыя отношенія порождаютъ блудниковъ и блудницъ, пьяницъ, преступниковъ, душевно-больныхъ и всякихъ другихъ калѣкъ, и все-таки бракъ долженъ быть дѣломъ частнымъ? Нѣтъ, мы съ этимъ согласиться не можемъ. Напѣвъ взглядъ на блудъ мы высказали: съ фізіологической и гігіенической точки зрѣнія, это — грубое искаженіе человѣческой природы; съ нравственной и соціальной, это — преступленіе. Факты налицо.

Теперь обратимся къ браку. Холостякамъ зрѣлаго возраста сплошь и рядомъ задають вопросъ: «отчего вы не женитесь?» На этотъ вопросъ можно услышать самыя разнообразныя отвѣты, напримѣръ: «подходящей невѣсты нѣтъ» (это, впрочемъ, рѣдко), «не хочу лишать себя свободы», «жениться бы не прочь, да тамъ пойдутъ эти пеленки да доктора», «своихъ средствъ не хватаетъ, а съ приданымъ не подвертывается» и т. д. Но отчего же никогда на этотъ вопросъ (въ сущности глупый) не приходится слышать отвѣты подобнаго рода: «я къ водочкѣ привыкъ, а у алкоголиковъ рождаются будущіе нейрастеники, эпилептики и кандидаты въ дома умалишенныхъ»; или: «слишкомъ блудилъ въ молодости, боюсь испортить здоровье жены и дѣтей»; или: «у насъ въ семьѣ были чахоточные»; или: «совершенно не умѣю воспитывать дѣтей и самъ получилъ пло-

хое воспитаніе»; или: «дѣтей у насъ и безъ того слишкомъ много рождается, а еще больше гибнетъ». Нѣтъ, такихъ отвѣтовъ что-то не слышать. Съ другой стороны, почему такъ рѣдко задають человѣку, вступающему въ бракъ, вопросъ: «Зачѣмъ вы женитесь?» Конечно, только потому, что не желаютъ услышать въ отвѣтъ дерзость. Что же касается барышень, то вопросъ: «зачѣмъ вы замужъ выходите?» — вызвалъ бы лишь взрывъ смѣха и признаніе вопрошающаго идіотомъ. Вступаютъ въ бракъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, или совершенно бессмысленно, только потому, что «пора жениться» и «пора замужъ выйти», или же руководствуясь совершенно личными, грубо-эгоистическими побужденіями. Правда, всѣ знаютъ, что въ брачной жизни есть кое-что непріятное...тамъ, разныя...беременности, дѣторожденія, болѣзни и т. п., но вѣдь это не сейчасъ; это все потомъ; кромѣ того, не всегда же эти непріятности и бывають. А то есть и такіе, которые очень любятъ дѣтей и хотятъ имѣть своего «помпончика», но при этомъ они представляютъ себѣ его не иначе, какъ въ *porte-bébé* и премиленькомъ чепчикѣ съ розовыми бантиками, улыбающимся и прелестно размахивающимъ крохотными рученками съ розовыми ноготочками. «И у насъ такой будетъ!» — думаютъ блаженствующіе, пламенно влюбленные другъ въ друга женихъ и невеста, — онъ, прошедшій полный курсъ онанизма, блуда, венерическихъ болѣзней и пьянства; она, начитавшаяся романовъ и исполняющая Шопена съ непонятнымъ ей самой выраженіемъ. Но такихъ, т. е. думающихъ о своихъ будущихъ красавчикахъ, хотя

бы въ *porte-bébé* и чепчикѣ съ розовыми ленточками, всетаки очень мало. Огромное большинство брачащихся всецѣло поглощено своими грубо-эгоистическими чувствами, изъ числа которыхъ преобладающими являются половое влеченіе (влюбленность, страстная любовь), расчетъ и самолюбіе.

Начинается брачная жизнь. Начало ея, такъ называемый медовый мѣсяцъ, столь поэтизированный и прозою, и стихами, въ сущности одно изъ постыднѣйшихъ искаженій нормальныхъ функцій человѣческаго организма. Совершенно неестественное первное перевозбужденіе слишкомъ частыми и къ тому же слишкомъ бурными половыми сношеніями имѣетъ крайне вредное вліяніе на весь организмъ мужчины, причемъ ближайшимъ образомъ обнаруживаются многообразныя функціональныя расстройства центральной нервной системы; но для женщины частыя половыя сношенія еще опаснѣе, такъ какъ сплошь и рядомъ влекутъ за собою хроническое воспаленіе матки. Есть очень недурная книжка «Гигіена новобрачныхъ» (*Hygiene der Flitterwochen*); авторъ ея, пѣкій д-ръ *фонъ-Гельзенъ*, говорить, между прочимъ, слѣдующее:

«... Существуетъ связь между центральной нервной системой и половымъ аппаратомъ, въ чемъ обыкновенно каждый мужъ, злоупотребляющій наслажденіемъ любви, скоро и горько убѣждается. Сначала у него ослабѣваютъ духовныя способности, какъ-то: память, вниманіе, способность серьезнаго размысленія и способность заниматься продолжительной умственной работой; между тѣмъ какъ способности краснорѣчія, воображенія и музыкальности подчасъ даже значительно повышаются. Силы уменьшаются, чувства перевозбуждены, и передъ нами типическая картина нервнаго ипохондрика, жалующагося на всевозможныя стра-

данія, въ особенности на головныя боли въ затылкѣ, или на боль половины лба. Далѣе, онъ жалуется на затрудненія пищеваренія, запоры и пр., откуда происходятъ другія большія или меньшія затрудненія въ отравленіяхъ различныхъ органовъ. Ослабленный такимъ образомъ организмъ теряетъ свою способность сопротивляться болѣзнетворнымъ причинамъ, откуда являются катарры слизистыхъ оболочекъ носа, горла, глазъ, кишечника, -вліяющіе теперь на него сильнѣе, чѣмъ въ прежнее время неослабленнаго здоровья. Наконецъ, разслабленный организмъ легко можетъ едѣваться добычей чахотки, рака, или какой-нибудь повальной болѣзни. Вотъ почему при первыхъ страданіяхъ, напимѣръ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на половыя отношенія больного. Та роль, которую половая дѣятельность играетъ при первыхъ болѣзняхъ, доказываетъ неопровержимо, какъ важно для здоровья регулированіе половыхъ отношеній».

Это относится къ мужчинамъ. Вотъ, что тотъ же авторъ говоритъ о послѣдствіяхъ частыхъ половыхъ сношеній для женщинъ:

«... Слишкомъ частыя сношенія сами по себѣ могутъ причинить хроническое воспаленіе матки, подобно тому, какъ слишкомъ продолжительный разговоръ ведетъ къ охриплости. Съ другой стороны, достовѣрно доказано, что слишкомъ частыя половыя сношенія подають поводъ къ выкидышамъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно тотчасъ послѣ свадьбы замѣчается неправильность регулъ—онѣ запаздываютъ, бываютъ слишкомъ обильны, иногда сопряжены съ сильными болями».

Есть еще одинъ менѣе осязательный, но неопровержимый результатъ половыхъ излишествъ. Состояніе организма родителей въ моментъ зачатія кладетъ отпечатокъ на организмъ утробнаго плода, а слѣдовательно на организмъ будущаго ребенка и взрослого человѣка. Дѣти, зачатые родителями въ пьяномъ видѣ (безразлично, оба ли пьяны, или

одинъ изъ нихъ), нерѣдко страдаютъ падучей болѣзью, а въ послѣдствіи, также нерѣдко, впадаютъ въ умопомѣшательство. Уже древнимъ грекамъ этотъ фактъ былъ хорошо извѣстенъ; встрѣтивъ слабоумнаго юношу, Діогенъ воскликнулъ: «О, юноша! твой отецъ вызвалъ тебя къ жизни въ пьяномъ состояніи». Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вообще всякое ненормальное состояніе центральной нервной системы и организма вообще въ моментъ зачатія неизбежно отражается на организмѣ будущаго ребенка. Перевозбужденіе мозга при половыхъ излишествахъ обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что нормальной потребности въ частыхъ половыхъ сношеніяхъ въ человѣческомъ организмѣ нѣтъ, а возбуждается она искусственно — воображеніемъ, эротическими грезами и совмѣстнымъ снѣемъ. Перевозбужденіе это роковымъ образомъ должно отразиться на потомствѣ. Каковъ этотъ результатъ — всѣмъ извѣстно: громадное количество ненормально развитыхъ, больныхъ, недолговѣчныхъ, страдающихъ судорогами, эпилепсіей и иными нервными болѣзнями дѣтей, сравнительно съ количествомъ дѣтей здоровыхъ, наглядно доказываетъ, что они уже явились и являются на свѣтъ ненормальными; такъ какъ болѣзненность дѣтей въ достаточныхъ классахъ также громадна, то, слѣдовательно, приписывать ее исключительно плохому уходу или неблагоприятнымъ гигиеническимъ условіямъ нельзя.

Существуетъ глубѣйшій предрасудокъ: частыя половыя сношенія вредны для мужины только тогда, когда онъ имѣетъ ихъ съ разными женщинами. Это совершенно невѣрно: вредъ одинаковъ, такъ какъ

первое перевозбужденіе, необходимое для полового акта, а также траты спермы въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же. Принимая во вниманіе, что частота половыхъ сношеній въ брачной жизни обуславливается совершенно искусственнымъ возбужденіемъ полового инстинкта, главнымъ образомъ совмѣстнымъ спаньемъ, необходимо признать, что она крайне вредно отражается на организмѣ супруговъ и ихъ потомства.

Немногимъ утѣшительнѣе и нравственные результаты половыхъ излишествъ медоваго мѣсяца (и названіе какое-то глупое!). Часто блаженство любви кончается отвращеніемъ, что вполне понятно. Нервная система человѣка обладаетъ очень замѣчательнымъ свойствомъ: относить субъективныя ощущенія къ ихъ внѣшнему источнику; въ силу этого, напри- мѣръ, мы видимъ предметы въ ихъ естественную величину, тогда какъ на сѣтчатыхъ оболочкахъ глазъ получаютъ лишь крошечныя изображенія предметовъ; слушая музыку, мы относимъ звуки ея къ производящимъ ихъ инструментамъ, тогда какъ въ дѣйствительности послѣдніе производятъ только дрожаніе частицъ воздуха, въ музыку же это дрожаніе превращается въ наше головное мозги. Не этимъ ли объясняется, что мужчина и женщина, разстроивъ свой организмъ половыми излишествами и чувствуя себя плохо, начинаютъ питать другъ къ другу отвращеніе, относя ненормальное состояніе свое къ его источнику, т. е. другъ къ другу? Во всякомъ случаѣ, фактъ общеизвѣстный, что за медовымъ мѣсяцемъ почти всегда наступаетъ періодъ

реакціи, охлажденія, если не отвращенія. Вотъ тутъ-то и бываетъ всегда «первая ссора».

Но и эта пора миновала. Молодая женщина уже носить въ утробѣ своей, въ лучшемъ случаѣ, будущаго нейрастеника. Что же, прекращаются ли половыя сношенія, прекращается ли постоянное возбужденіе ими мозга и половой сферы женщины, крайне вредно вліяющее на развитіе плода? — Нѣтъ, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; а между тѣмъ беременная женщина больше всего и прежде всего нуждается въ покоѣ, и устраненіе всякихъ возбуждающихъ тѣло и душу вліаній является однимъ изъ важнѣйшихъ условій нормальнаго развитія утробнаго младенца. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ объ этомъ послѣднемъ думаютъ несравненно меньше, чѣмъ о самихъ себѣ.

Такъ или иначе, 9 мѣсяцевъ и 7 дней прошли. Ребенокъ родился—правда, съ нѣкоторыми осложненіями, но за то богатырь: можете себѣ представить—12 фунтовъ! Что изъ этихъ двѣнадцати фунтовъ добрая треть приходится на подкожный жиръ и воду въ черепной полости (д-ръ *Ламанъ*) вслѣдствіе совершенно нераціональнаго питанія беременной, а слѣдовательно и плода, это мало кому извѣстно. Да дѣло не въ томъ. Молока у матери хоть отбавляй. Все идетъ прекрасно; счастливые супруги дождались и *porte-bébé* и чепчика съ розовыми ленточками. Но вдругъ, къ концу втораго мѣсяца у богатыря дѣлается классическій катарръ желудка: рвота, бессонница; плачетъ, не переставая; корчится, пожимами сучить; богатырь превращается въ скелетъ, обтянутый кожей. Конечно, за докторомъ. Докторъ (хо-

роній докторъ) отцѣживаетъ молока изъ материнской груди, беретъ его домой, изслѣдуетъ и кладетъ слѣдующую резолюцію: молоко совершенно не годится, нужно взять кормилицу, или перейти на искусственное вскармливаніе. Что же случилось? Отчего молоко вдругъ испортилось?—Очень просто: женщина опять забеременѣла, а молоко у беременныхъ кормящихъ пропадаетъ не сразу, но за то очень скоро пріобрѣтаетъ зловредныя для ребенка свойства. Беременность во время кормленія грудью наступаетъ не у всѣхъ женщинъ; но молоко портится у всѣхъ кормящихъ женщинъ отъ возбужденія нервной системы и половой сѣры. За кормилицами родители слѣдятъ очень строго, а за собой?—Ничуть. Они не считаютъ нужнымъ пожертвовать хотя бы незначительной долей эгоизма на благо своего же любимого дѣтища. А между тѣмъ ни беременности, ни порчи молока, ни болѣзни ребенка, ни искусственнаго вскармливанья, ни доктора, ни кормилицы,—ничего этого не было бы, если бы нѣжные супруги во-время порѣшили такъ: «Мы патѣвились, а теперь будемъ думать о результатѣ нашей потѣхи, такъ какъ о самихъ себѣ мы уже слишкомъ много думали до сихъ поръ; посвятимъ же себя тому, которому дали жизнь». На это много, если не все, возражать: «Это немыслимо; слѣдовательно, для того, чтобы дѣти были здоровы, необходимо: 1) не увлекаться во время медоваго мѣсяца и 2) прекратить половыя сношенія во время беременности и кормленія грудью?» Увы! таковы требованія человѣческой природы, а за нею и гигиены. Возьмемъ примѣръ съ животныхъ, если мы сами не умѣемъ подать имъ примѣръ: ни одна

самка во время беременности и вскармливанья дѣтенышей не подпустить къ себѣ самца, да онъ и самъ въ этихъ періодахъ не помышляетъ о ней. Послушаемъ, что говорить по этому поводу тотъ же профессоръ *Риббинъ*:

«... Известно, что многія молодыя женщины, главнымъ образомъ изъ высшихъ классовъ, обнаруживаютъ особенную склонность къ выкидышамъ, и эти послѣдніе нерѣдко вызываются тѣмъ, что половыя сношенія продолжаются во время беременности. Во многихъ случаяхъ, когда выкидыши регулярно повторялись изъ года въ годъ, и надежда на нормальное дѣторожденіе почти совершенно исчезла, рождались вполне здоровыя дѣти, если родители слѣдовали моему совѣту и съ наступленіемъ беременности воздерживались отъ половыхъ сношеній.

«Беременность въ нормальныхъ случаяхъ оканчивается рожденіемъ ребенка. Но тутъ опять начинается новый періодъ, во время котораго женщина должна воздерживаться отъ всякихъ половыхъ сношеній. Съ давнихъ поръ на этотъ періодъ воздержанія назначалось приблизительно шесть недѣль. Такой перерывъ, разумѣется, лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго перерыва, но онъ мнѣ кажется недостаточнымъ. Многія изъ столь частыхъ въ настоящее время женскихъ болѣзней вызываются только тѣмъ, что женскимъ половымъ органамъ не даютъ достаточнаго отдыха.

«Во время кормленія грудью зачатія у женщины обыкновенно не бываетъ; однако, рассчитывать на это съ увѣренностью невозможно. За то наблюденія показываютъ, что новая беременность вредно отзывается и на матери, и на грудномъ ребенкѣ. Я встрѣтилъ недавно въ одномъ гинекологическомъ журналѣ опредѣленіе времени, въ теченіе котораго женщина должна быть свободна отъ половыхъ сношеній по случаю родовъ: 9 мѣсяцевъ вслѣдствіе беременности, 12—14 мѣсяцевъ вслѣдствіе кормленія грудью и 3—6 мѣсяцевъ, необходимыхъ для того, чтобы органы ея пришли въ нормальное состояніе; слѣдовательно, 2—2½ года. Хотя столь продолжительный перерывъ практикуется, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и хотя онъ, можетъ быть, даже не всегда нуженъ, но все-таки онъ навѣрно всегда поле-

зень, а во многихъ случаяхъ и безусловно необходимъ для сохраненія здоровья женщины.

«Врачу часто приходится слышать отъ мужа, что его жена слишкомъ слаба, чтобы кормить ребенка грудью, а между тѣмъ тотъ же самый мужъ никогда не затруднится снова поставить жену свою въ «интересное положеніе» уже черезъ два мѣсяца послѣ первыхъ родовъ. Такъ какъ женщины высшихъ классовъ въ настоящее время лишь рѣдко обладаютъ достаточной силой, то послѣ вторыхъ родовъ здоровье ихъ чаще всего расшатывается; онѣ нуждаются въ разныхъ купаньяхъ, минеральныхъ водахъ и всякихъ иныхъ продолжительныхъ и дорогихъ способахъ лѣченія; такимъ образомъ семейная жизнь разстраивается и счастье исчезаетъ безслѣдно. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажется, что здоровье матери послѣ ряда частыхъ родовъ укрѣпилось, то не надо забывать, что здоровье и устойчивость относительно болѣзней всегда меньше у тѣхъ *дтей*, которыя рождались скоро одно за другимъ, чѣмъ у тѣхъ, которыя появлялись на свѣтъ лишь послѣ продолжительныхъ перерывовъ. Поэтому уже въ интересахъ потомства необходимо давать матери достаточный отдыхъ послѣ каждаго родовъ. Кто воображаетъ, что бракъ есть непрерывная цѣпь половыхъ наслажденій, тотъ, конечно, найдетъ вышеуказанныя требованія слишкомъ суровыми».

Пусть антрактъ въ 2—2¹/₂ года кажется чудовищнымъ; но онъ необходимъ, если человѣкъ хочетъ быть существомъ разумнымъ, даже гордящимся своимъ разумомъ, т. е. умѣющимъ подчинять разуму то, что у животныхъ подчинено слѣпому инстинкту. Личное удовольствіе, извлекаемое изъ полового антракта, должно быть такъ же обуздано, какъ всякія другія личныя удовольствія; оно должно разъ навсегда быть признано средствомъ для продолженія рода, но не цѣлью. Результаты необуздація налицо: вѣчно хворающія женщины, вѣчно хворающія дѣти, вырастающія въ ненормальныхъ, вѣчно хворающихъ

взрослыхъ людей, или безвременно умирающія; кладбища, переполненные дѣтскими могилами, больницы — умирающими дѣтьми, воспитательные дома и иные «азили», переполненные дѣтьми, обреченными на смерть. Опасаться уменьшенія рождаемости и убыли народонаселенія вслѣдствіе воздержанія значить лицемерить, обманывать себя и другихъ. Рождаемость во Франціи стала убывать не вслѣдствіе воздержанія, а вслѣдствіе совершенно иныхъ причинъ, а именно, вслѣдствіе искусственныхъ мѣръ противъ зачатія, — мѣръ, внушающихъ отвращеніе и вызывающихъ состраданіе къ жалкимъ результатамъ просвѣщенія, достигнутымъ въ сферѣ половыхъ отношеній. Однако, и во Франціи *asiles des enfants assistés* полнехоньки, и смертность дѣтей тамъ громадная.

При существующемъ грубо-эгоистическомъ взглядѣ на бракъ, какъ на источникъ личнаго удовольствія, наслажденія, удобства, выгоды и т. д., совершенно игнорируется, прежде всего, возрастъ вступленія въ бракъ. По нашимъ законамъ минимальный возрастъ для брачащихся: 18 лѣтъ для мужчины и 16 лѣтъ для женщины. Но этотъ минимумъ уже больше не согласуется ни съ требованіями жизни, ни съ измѣнившимися экономическими условіями страны. Тѣмъ не менѣе, въ среднемъ, возрастъ вступленія въ бракъ у насъ въ Россіи поразительно ранній. Передъ нами оффиціальныя статистическія данныя за 1891 и 1892 годы *); заимствуемъ изъ нихъ слѣдующія цифры:

*) «Движеніе населенія въ Европейской Россіи за 1892 годъ» (новѣе нѣтъ). Изд. Центр. Стат. Ком. 1896.

		На 1000 браковъ:			
		въ 1892 году		въ 1891 году	
		жених.	невѣстъ.	жених.	невѣстъ.
Въ возрастѣ:					
20 лѣтъ и моложе		317,3	554,8	307,3	561,6
отъ 21 г. до 25 л. . . .		330,2	99,3	348,6	301,8
» 26 » 30 »		185,7	273,7	194,8	71,8
» 31 » 35 »		60,0	31,0	58,3	27,8
» 36 » 40 »		39,9	18,5	34,4	16,3
» 41 » 45 »		27,0	11,4	23,0	10,2
» 46 » 50 »		16,6	6,6	15,3	6,1
51 г. и выше		19,3	4,7	18,3	4,4

Отсюда видно, что значительное большинство мужчинъ у насъ вступаетъ въ бракъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, а значительное большинство женщинъ выходитъ замужъ моложе 20 лѣтъ. Цифры неутѣшительныя. Не оттого ли у насъ такъ много неудачныхъ браковъ, расхожденій, расторженій? Не оттого ли у насъ такъ переполнены всѣ дома для умалишенныхъ и всѣ дѣтскія больницы? Не оттого ли у насъ такъ мало людей, доживающихъ не только до глубокой старости, но даже до средняго «статистическаго» предѣльнаго возраста — 70 лѣтъ? Нельзя ожидать здороваго потомства отъ браковъ, когда мужчинѣ 20—25 лѣтъ, а женщинѣ 17—19, по крайней мѣрѣ при нашихъ расовыхъ и климатическихъ условіяхъ. Совершенно напрасно думаютъ, что чѣмъ моложе супруги, тѣмъ здоровѣе ихъ дѣти; это — чистѣйшій вымыселъ, и никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу такого взгляда нѣтъ; напротивъ, можно привести факты, доказывающіе совершенно противоположное. Въ средніе вѣка, да и въ два прошлыя столѣтія, ранніе браки были въ

большомъ ходу въ богатыхъ и знатныхъ семьяхъ; но это привело въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ вырожденію ихъ, а въ случаѣ систематически повторявшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе раннихъ браковъ, — и къ совершенному вымиранію рода. По единогласному мнѣнію гигиенистовъ всѣхъ національностей, ранніе браки столь же вредны для брачащихся и для ихъ потомства, какъ браки слишкомъ поздніе. Въ этомъ отношеніи играютъ роль два момента: недоразвитіе организма обоихъ родителей или одного изъ нихъ и слишкомъ частыя, бурныя, изнурительныя соитія, влекуція за собою разстройства нервной системы и полового аппарата, въ особенности у женщинъ. При существующей системѣ воспитанія (если только это можно назвать системой) у молодыхъ брачащихся людей не можетъ не быть африканскихъ страстей, хотя бы они были уроженцами Архангельска. Затѣмъ, неопытность, непониманіе жизни и неустановившаяся дѣятельность имѣютъ самыя тяжелыя послѣдствія въ брачной жизни всѣхъ сословій. Мужчина 20 — 25 лѣтъ, хотя бы прошедшій черезъ всѣ ступени блуда и пьянства, хотя бы перечитавшій ворохи книгъ, хотя бы насмотрѣвшійся всего, всетаки ни жизни, ни людей не знаетъ; меньше всего онъ знаетъ требованія и условія нормальной семейной жизни, физическія и психическія особенности женскаго организма, даже если онъ изучалъ медицину. То, что создаетъ нормальную семейную жизнь, не обнаруживается ни подъ скальпелемъ, ни подъ микроскопомъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ браки, заключенные въ слишкомъ молодомъ возрастѣ, кончаются полнѣй-

нимъ разочарованіемъ съ обѣихъ сторонъ. Припомнимъ, что современное воспитаніе нимало не подготавливаетъ человѣка къ жизни; о воспитаніи мы уже говорили, а о школѣ и говорить не хотимъ: начинка головъ учащихся горами свѣдѣній и умѣній (относѣ не знаній), изъ которыхъ для развитія ума и для практической жизни нужна сотая часть, а для развитія сердца нѣтъ ни единой частицы, — вотъ современная школа. Но даже допустивъ, что молодые люди получили прекрасное воспитаніе и посвящены во всѣ тайны природы, жизни и человѣческой души (много ли такихъ?), все-таки у нихъ, въ силу молодости, еще слишкомъ много неперебродившихъ стремленій и слишкомъ мало умѣнія руководить жизнью. Приобрѣтать это умѣнье въ собственной семьѣ очень опасно, а иногда и губительно. Результаты общеизвѣстны: въ нашихъ интеллигентныхъ слояхъ, гдѣ молодые браки въ такомъ же ходу, какъ въ крестьянствѣ, столько же расхожденій, сколько браковъ; разочарованіе и, какъ слѣдствіе его, расхожденіе стали почти что условіемъ брачнаго договора.

«Для большинства молодыхъ дѣвушекъ, — говоритъ *Риббингъ* въ своей книжкѣ «*Rathschläge eines Arztes betreffend der Ehe*», — я отложилъ бы вступленіе въ бракъ до 24 или 25 лѣтъ. Обстоятельства, упомянутыя нами выше (продолжительное пребываніе въ учебныхъ заведеніяхъ, недостатокъ физической дѣятельности, свѣжаго воздуха, подавленіе самостоятельности и иниціативы въ житейскихъ дѣлахъ), часто сильно задерживаютъ развитіе женскаго организма; умственное же развитіе, которое въ настоящее время столь необходимо, не приобретается въ короткій срокъ; затѣмъ, будущей супругѣ, по окончаніи образованія, настоятельно необходимо нѣкоторое время для того, чтобы она могла осво-
трѣться, познакомиться съ жизнью раньше, чѣмъ она приметъ

важное рѣшеніе отправиться въ дальнее плаваніе по житейскому морю на перѣдко утлой ладѣ брака. Мнѣ очень пріятно, что французскіе ученые тоже раздѣляютъ этотъ взглядъ, хотя во Франціи, какъ и вообще въ южныхъ странахъ, женщины развиваются физически и духовно скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Французскій моралистъ такъ часто видитъ пагубныя послѣдствія слишкомъ раннихъ браковъ, что намъ вполне понятна та настойчивость, съ которой онъ утверждаетъ: до вступленія въ бракъ женщина должна быть въ состояніи взвѣснить всю важность этого огромнаго шага. Слишкомъ раннее замужество вредно отражается и на ея потомствѣ. При такихъ условіяхъ ни физическое, ни умственное развитіе ея не можетъ достигнуть надлежащей высоты».

Что касается мужчинъ, то возрастъ въ 35—40 лѣтъ долженъ считаться для населенія средней и сѣверной Европы самымъ подходящимъ для вступленія въ бракъ, какъ по физическому развитію мужского организма, которое въ рѣдкихъ случаяхъ заканчивается раньше 30 лѣтъ, такъ и въ силу условій духовно-правственныхъ и соціальныхъ. Конечно, для сельскаго населенія эти цифры слишкомъ высоки, но лишь въ силу условій экономическихъ, ничего общаго съ вопросами о бракѣ не имѣющихъ; но еще вопросъ, что экономичѣе для народа: плодить массу обреченныхъ на болѣзни и смерть дѣтей, имѣть хворыхъ бабъ, измощенныхъ каждагодными дѣторожденіями, болѣзнями и преждевременно старѣющихъ, или же имѣть небольшое число здоровыхъ дѣтей, здоровыхъ бабъ-матерей и бабъ-работницъ. Для интеллигентныхъ же классовъ цифры наши отнюдь не могутъ считаться крайними: жизнь и дѣятельность мужчинъ, принадлежащихъ къ этимъ классамъ, устанавливаются въ рѣдкихъ случаяхъ

раньше 30 — 35 лѣтъ; вступленіе же въ бракъ безъ установившейся жизни и дѣятельности во всѣхъ случаяхъ имѣетъ крайне печальныя послѣдствія.

О позднихъ бракахъ, въ особенности при значительной разницѣ въ лѣтахъ брачащихся, мы говорить не будемъ: бракъ старика съ молодой дѣвушкой, бракъ пожилой жепщины съ юпошей, — одна изъ формъ блуда. Ни сластолюбіе, ни корыстолюбіе и вообще никакіе личныя, эгоистическіе инстинкты и соображенія не могутъ служить основою брачнаго союза. Браки же между лицами пожилыми, будучи рѣдкими, въ то же время чаще всего являются браками только по вѣншней формѣ.

Переходимъ къ другой, еще болѣе важной сторонѣ вопроса. При господствующемъ взглядѣ на бракъ, сплошь и рядомъ въ него вступаютъ лица больныя, притомъ такими болѣзнями, которыя неизбѣжно передаются потомству въ той или иной формѣ. Очень часто бракъ считается даже лучшимъ средствомъ излѣчиться отъ болѣзней; такъ, пставшійся развратникъ, пзвѣдавшій венерическія болѣзни и сифилисъ, и пьяница, пачинающіе чувствовать, что «пора остепениться», считаютъ лучшимъ для этого средствомъ вступленіе въ бракъ. Родителямъ апэмичной и золотушной барышни, страдающей къ тому же истеріей и бѣзміи, даже врачи черѣдко совѣтуютъ выдать ее замужъ, такъ какъ «первая же беременность у нея все какъ рукою спиметь». Не говоря уже о томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ цѣль совѣтъ не достигается, что развратникъ и пьяница спустя нѣкоторое время возвращаются къ разврату и пьянству,

что у анемичной, истеричной и золотушной барышни съ бѣлами отъ половыхъ сношеній дѣлаются воспаленія матки, фаллопиевыхъ трубъ, параметриты и периметриты и, какъ слѣдствіе всего этого, выкидыши, такъ что въ брачной жизни здоровье ея окончательно расшатывается, — не говоря обо всемъ этомъ, допустимо ли, мыслимо ли подобное игнорированіе потомства, или, выражаясь проще, подобное возмутительное отношеніе къ своимъ будущимъ дѣтямъ? За прокаженными слѣдять: для нихъ устраиваются лепрозоріи и особыя поселенія. А за венериками, за сифилитиками, за чахоточными, за алкоголиками, за нервно и душевно-больными въ «легкой формѣ»? Имъ предоставлено плодиться сколько угодно, т. е. имъ предоставлено право порождать на свѣтъ дѣтей съ унаслѣдованнымъ сифилисомъ, съ бленнореей глазъ, нерѣдко кончающейся слѣпотою, золотушныхъ, чахоточныхъ, нейрастениковъ, эпилептиковъ, глухо-нѣмыхъ, идіотовъ, — дѣтей, вся жизнь которыхъ сплошное страданіе, въ то же время являющихся несчастьемъ для семьи и опаснымъ бременемъ для общества. О томъ, что чахотка и сифилисъ передаются по наслѣдству, иногда изъ поколѣнія въ поколѣніе, всѣмъ извѣстно; но вотъ что не всѣмъ извѣстно относительно чахотки: часто у родителей чахоточныхъ рождаются дѣти не чахоточныя, но никогда не бываетъ у нихъ дѣтей здоровыхъ; чахотка родителей преобразуется у дѣтей напримѣръ въ золотуху (тотъ же бациллъ); значительная часть всѣхъ хромыхъ, горбатыхъ, разбитыхъ параличемъ и иныхъ калѣкъ обязаны своимъ убожествомъ наслѣдственной чахоткѣ, обнаружившейся

въ нихъ не въ формѣ легочной чахотки, но въ формѣ полнаго нарушенія питанія организма или отдѣльных частей его. Люди, даже излѣчившіеся отъ чахотки (если только отъ нея можно вполне излѣчиться), совсѣмъ не должны бы вступать въ бракъ, такъ какъ съ большою вѣроятностью можно предположить, что они чахоточны по наслѣдству; наслѣдственность же — сила, не знающая границъ; она нерѣдко идетъ скачками, пропускаетъ одно, два, три поколѣнія и вдругъ снова проявляется въ ужасающихъ формахъ болѣзней. Безбрачіе чахоточныхъ было бы лучшимъ средствомъ для борьбы съ этою болѣзью, уносящею безвременно въ могилу треть населенія Европы. Если бы только у одного поколѣнія чахоточныхъ хватило нравственной рѣшимости не размножаться, то чахотка вскорѣ превратилась бы въ болѣзнь рѣдкую, исключительную и современемъ совершенно исчезла бы. Но при общераспространенномъ взглядѣ на бракъ, какъ на способъ устройства личной жизни и удовлетворенія личныхъ потребностей, большею частью совершенно фиктивныхъ, ничего подобнаго ожидать нельзя, и долго еще господамъ Кохамъ придется пожинать лавры за недѣйствующій туберкулинъ № 2 или № 3.

Существуетъ серія болѣзней, подобно чахоткѣ одинаково сильно распространенныхъ среди обоихъ половъ; это — болѣзни первныя. Когда онѣ проявляются въ слабой степени, то бракъ даже рекомендуется въ качествѣ цѣлебной нападеи. Ничего болѣе безнравственнаго, безсовѣстнаго мы себѣ представить не можемъ. Само собою разумѣется, что легкая форма

первозности. при томъ чисто индивидуальная, часто зависящая отъ случайныхъ, преходящихъ условій жизни, или рода дѣятельности, не можетъ считаться болѣзнию, препятствующею вступленію въ бракъ; по явные пейрастеники, ипохондрики, меланхолики, истеричныя дѣвушки, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ихъ родѣ, въ восходящихъ степеняхъ родства, наблюдались случаи первыихъ заболѣваній или даже помѣшательства, въ бракъ вступать не должны, такъ какъ первыя болѣзни передаются по наслѣдству и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: отъ истеричной матери можетъ произойти эпилептикъ, или паралитикъ; отъ пейрастеника-отца — душевно-больной, или истеричная.

Совершенно ошибочно также мнѣніе, что брачная жизнь «успокаиваетъ» первы: частыя половыя сношенія разстраиваютъ ихъ еще болѣе, успокоеніе же дѣйствительно является, но только лѣтъ черезъ двадцать пять, когда родители всецѣло посвящаютъ себя воспитанію и «выведенію въ люди» дѣтей своихъ.

Истерія перѣдко усиливается вслѣдствіе замужества и, во всякомъ случаѣ, число замужнихъ истеричныхъ, какъ было объяснено въ первой главѣ, несколько не меньше числа истеричныхъ дѣвицъ. Нерѣдко приходится слышать отъ мамашъ, страдавшей въ дѣвичество всевозможными педугами и ставшей матерью золотушнаго пейрастеника: «онъ меня избавилъ отъ всѣхъ моихъ болѣзней». Одно изъ двухъ: или это вздоръ, воображеніе, или дѣйствительно ребенокъ вобралъ въ себя часть стрепто, гоно-и стафилококковъ, коховскихъ запятыхъ и всевозможныхъ бактерий. Въ первомъ случаѣ мамашка будетъ хворать

по-прежнему, если не хуже прежняго; во второмъ, она, выходя замужъ, поступила безсовѣстно, такъ какъ избавляясь отъ болѣзней, заражая ими собственныхъ дѣтей, чудовищно. Первыя болѣзни, хотя бы въ самой легкой формѣ, опасны именно тѣмъ, что онѣ, передаваясь по наслѣдству, безгранично варьпрують, и невозможно предсказать, какую форму, перѣдко очень опасную, дѣлающую челоуѣка калѣкою на всю жизнь, приметъ въ потомствѣ та или другая первая аномалія предковъ. Поэтому, людямъ, принадлежащимъ къ семьямъ, въ которыхъ первыя болѣзни встрѣчались болѣе или менѣе часто и притомъ въ определенной формѣ, слѣдовало бы, при правильномъ возрѣннн на бракъ, совершенно не вступать въ него, дабы не плодить обреченныхъ на страданія и гибель дѣтей, являющихся въ послѣдствн страшнымъ бременемъ для общества.

Относительно венериковъ и сифилитиковъ современная медицина дѣлаетъ уступку (быть можетъ, вынужденную соціальными требованіями); врачи говорятъ: «не вылѣчившись радикально отъ венерическихъ болѣзней и сифписа, мужчина не долженъ вступать въ бракъ»; но тѣ же врачи лучше кого бы то ни было знаютъ, что поручиться за «радикальнос» излѣченіе ни въ одномъ случаѣ нельзя. Относительно спфилиса достовѣрно, что онъ рецидивируетъ снустя много лѣтъ и, кромѣ того, можетъ проявиться у потомства въ извѣстномъ возрастѣ даже въ томъ случаѣ, когда родители въ моментъ зачатія были совершенно здоровы. Объ опасности и трудности полного излѣченія уретрита мы уже говорили. Слѣдовательно, встуная въ бракъ даже

совершенно излѣченнымъ въ данный моментъ, бывшій сифилитикъ или венерикъ рискуетъ наплодить сифилитиковъ, экзематиковъ и бленнорейныхъ — безвинныхъ искупителей отцовскаго блуда. Человѣкъ, страдавшій сифилисомъ и венерическими болѣзнями, долженъ совершенно отказаться отъ брака — вотъ, что думаютъ, и съ полнымъ основаніемъ, врачи; но говорятъ они, поневолѣ, совсѣмъ другое. Если наши крестьяне-сифилитики и венерики женятся, даже совсѣмъ не лѣчившись, то это дѣлается въ силу непроходимаго невѣжества; послѣдствія извѣстны: цѣлыя села сифилитиковъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ, подобныя кварталамъ прокаженныхъ. Но интеллигенты поступаютъ немногимъ лучше: ртутныя втиранія, потомъ горячія и сѣрныя ванны для «изгнанія» — и довольно; все прошло — отчего же не жениться? Въ результатъ убогое, хилое, экзематичное потомство со всѣми признаками наслѣдственнаго сифилиса.

Относительно алкоголиковъ нужно замѣтить то же самое. Выше мы говорили объ опасности зачатія ребенка въ пьяномъ видѣ; но ребенокъ можетъ быть зачатъ въ трезвый моментъ и всетаки стать глухонѣмымъ, идіотомъ, эпилептикомъ, душевно-больнымъ, если его отецъ алкоголикъ, а тѣмъ болѣе, если и мать выпиваетъ. Подъ алкоголикомъ мы вовсе не разумѣемъ только горькаго пьяницу; вообще люди, привыкшіе къ водкѣ, къ пиву, къ винамъ и не могущіе обойтись безъ нихъ, — алкоголики; они имѣютъ всѣ шансы плодить перво-больныхъ дѣтей. Но въ такомъ случаѣ, скажутъ, откуда же берутся здоровыя дѣти? Вѣдь пѣмцы потребляютъ страшныя

количества пива, французы — вина, англичане — стоу-та, джина и уиски, русскіе — водки. На это у насъ все тотъ же отвѣтъ: взгляните въ статистику заболѣваемости и смертности дѣтей. Въ четвертой главѣ мы приведемъ цифры, здѣсь же замѣтимъ лишь, что эта смертность громадна во всемъ мірѣ, а у насъ въ особенности; поистинѣ можно сказать, что здоровыя дѣти — случайность, а здоровые взрослые — продуктъ естественнаго подбора. Спиртъ обладаетъ, подобно нѣкоторымъ другимъ ядамъ, свойствомъ проникать во всѣ безъ исключенія ткани и видоизмѣнять химическій составъ ихъ форменныхъ элементовъ (клетокъ) и соковъ; и тестикулярная ткань не изъята отъ зловреднаго дѣйствія алкоголя, въ силу чего въ сперматозоидахъ (сѣменные тѣльца, живчики), въ ней вырабатывающихся и служащихъ для оплодотворенія женскаго яичка, несомнѣнно происходятъ тѣ патологическія измѣненія состава, которыя имѣютъ слѣдствіемъ нервныя болѣзни дѣтей, зачатыхъ алкоголиками. Но къ счастью алкоголь не обладаетъ живучестью и силой сифилитическаго яда: отъ него можно въ короткое время совершенно избавиться трезвостью. Однако, рассчитывать, что эта трезвость явится результатомъ брака — и ошибочно, и опасно. Во-первыхъ, явится ли она; во-вторыхъ, пока она явится, можно наплодить нѣсколько чловѣкъ дѣтей, обреченныхъ на тяжкія первыя заболѣванія.

Игнорированіе физическаго состоянія организма брачащихся, присущихъ ему унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ недостатковъ, губельно отражающихся на потомствѣ, является прямымъ слѣдствіемъ

неправильнаго взгляда на бракъ, какъ на источникъ удовлетворенія личныхъ желаній и страстей. Въ результатъ — ужасающая болѣзненность и смертность среди дѣтей всѣхъ сословій; если онѣ слабѣе въ высшихъ сословіяхъ, то въ силу лучшихъ экономическихъ и гигиеническихъ условій, но отнюдь не въ силу большей крѣпости организма. Семей, въ которыхъ нѣтъ хворающихъ дѣтей, совсѣмъ не существуетъ; семьи, въ которыхъ нѣтъ дѣтей болѣзненныхъ, послѣдственно предрасположенныхъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ, — большая рѣдкость. Таковы физическіе результаты эгонистическаго воззрѣнія на бракъ. Не мало слышится голосовъ въ пользу того, чтобы вступающіе въ бракъ обязывались закономъ заручаться согласіемъ врача. Намъ эта мѣра представляется и неосуществимой, и опасной. Сифилитикъ или чахоточный, обращающійся къ врачу за разрѣшеніемъ жениться на дѣвицѣ съ приданымъ въ полъ-милліона, — и врачъ отказывается... Что-то не вѣрится. Мы считываемъ не на законъ, а на нравственныя чувства людей, какъ просвѣщенныхъ, такъ и просвѣщаемыхъ.

На основаніи всего сказаннаго, мы считаемъ второе положеніе, вытекающее изъ «Крейцеровой сонаты», не только вѣрнымъ, но даже требующимъ болѣе строгой формулировки, а именно: въ бракъ вступать должны только тѣ, которые считаютъ нужнымъ имѣть дѣтей и при томъ уверены, что произведутъ на свѣтъ дѣтей отъ природы здоровыхъ.

III

Намъ предстоитъ теперь задача очень не легкая. Обсуждая первыя два положенія, вытекающія изъ «Крейцеровой сонаты», мы имѣли возможность опираться на данныя фізіологін, гігіены и гинекологін, иными словами, на положительные факты, доступные провѣркѣ и къ тому же всеѣмъ извѣстныя изъ повседневныхъ наблюденій. При обсужденіи же третьяго положенія у насъ такой почвы подъ ногами нѣтъ; намъ приходится вступитъ въ темныя дебри психологін, а эти дебри, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще почти непролазны. Чувства, мысли, стремленія и дѣйствія человѣка являются процессами столь сложными, столь таинственными и запутанными сами по себѣ, что установленіе точныхъ законовъ ихъ врядъ ли вообще возможно; но если бы дѣло ограничивалось чувствами, мыслями, стремленіями и дѣйствіями, какъ таковыми, то задача всетаки была бы не столь трудна. Несчастье въ томъ, что все эти проявленія человѣческой психики до-нельзя осложнены воображеніемъ, самообманомъ, притворствомъ и ложью, сознательною и безсознательною; вотъ почему и полу-

чается такая безконечная сложность, предъ анализомъ которой невольно опускаются руки. Во избѣжаніе запутанныхъ и слишкомъ общихъ разсужденій о предметѣ, насъ интересующемъ, интересующемъ весь міръ, мы избрали способъ, который, быть можетъ, покажется врачамъ и гигиенистамъ не вполне научнымъ; но пусть они извинятъ насъ въ виду трудности задачи, за рѣшеніе которой, насколько намъ извѣстно, кромѣ графа Толстого никто еще не брался.

Намъ предстоитъ прежде всего доказать, что такъ называемая любовь, въ общепринятомъ въ жизни и въ поэзіи смыслѣ, есть не что иное, какъ неудовлетворенное половое влеченіе, притомъ совершенно эгоистическое, сколько бы его ни поэтизировали, съ какими бы осложненіями оно ни обнаруживалось; лишь доказавъ это, мы можемъ приступить къ обсужденію вопроса, можетъ ли это чувство быть основою брачнаго союза и истинна ли та поэзія, которая искони вѣковъ изображаетъ совершенно плотское вожделѣніе такъ, что оно представляется возвышенно-прекраснымъ, святымъ чувствомъ, долженствующимъ служить единственною основою союза мужчины съ женщиной. Вотъ къ поэзіи-то мы и прибѣгаемъ для нашего анализа, причемъ избираемъ такое произведеніе, въ которомъ чувство любви проявляется въ самой поэтической, чарующей, но въ то же время правдивой формѣ; слѣдовательно, упрека въ томъ, что мы избрали произведеніе тенденціозное, подтверждающее нашу предвзятую мысль, мы заслужить не можемъ. Мы избрали эпизодъ Маргариты изъ «Фауста» Гёте. Ни-

кто не будетъ отрицать, что въ этомъ эпизодѣ изображено именно то, что называется любовью мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ, при томъ изображено со всѣми осложненіями и перипетіями, правдиво, глубокомысленно, высокопоэтично, — изображено, быть можетъ, такъ, какъ ни въ одномъ романѣ и ни въ одной лирической поэмѣ. Фаустъ и Маргарита — вѣдь это олицетвореніе пламенной любви, этого святого чувства, возвышающаго человѣка надъ житейской прозой и пошлостью, дающаго ему райское блаженство, превращающаго его въ полубога, въ груди котораго пылаетъ священный огонь, — чувства, которое воспѣвается такими колоссами поэзіи, какъ Данте, Петрарка, Гёте, Шиллеръ, Гейне, Байронъ, Ламартинъ, Гюго, Мюссе, Копшэ, Пушкинъ, Лермонтовъ, и цѣлою плеядою другихъ даровитыхъ лириковъ и романистовъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право избрать для нашего анализа гётевскій «Фаустъ», такъ какъ въ немъ, повторяемъ, высокопоэтично, глубоко, трогательно и геніально изображено то, что и въ поэзіи, и въ жизни называется страстною любовью, въ самомъ обыденномъ и въ то же время возвышенномъ смыслѣ. Для цитатъ мы пользуемся переводами Н. Холодковского и Н. Голованова.

Въ кухнѣ вѣдьмы Фаустъ видитъ въ волшебномъ зеркалѣ изображеніе голой женщины; это — образъ Елены. Обезумѣвъ отъ восторга, въ которомъ, конечно, уже никто не можетъ усмотрѣть что-либо иное, кромѣ полового возбужденія, Фаустъ выпиваетъ волшебный напитокъ, который сбрасываетъ съ него лѣтъ тридцать и въ то же время значи-

тельно усиливаетъ это возбужденіе. По справедливому замѣчанію Мефистофеля

Съ такимъ папикомъ будешь ты, конечно,
Елену видѣть въ каждой бабѣ встрѣчной.

Просимъ запомнить эту деталь: любовный пылъ возгарается еще въ Фаустѣ-старикѣ, когда онъ видитъ образъ обнаженной Елены; собственно говоря, при такомъ воздѣйствіи на первую систему чувствъ папикъ вѣдмы совершенно лишній. Что въ Фаустѣ говорить не «чувство красоты», очень сомнительное вообще, а именно плотское чувство, половое возбужденіе, неопровержимо доказывается тѣмъ, что онъ жаждетъ «имѣть» Маргариту немедленно, послѣ первой же минутной встрѣчи на улицѣ, такъ что даже Мефистофель пораженъ и совѣтуетъ ему:

Не лучше ли поволочиться,
Завлечь, заставить потомиться,
Побаловаться, повозиться,
Водить ее и такъ, и сякъ?
Такъ и въ романахъ говорится.

На это Фаустъ отвѣчаетъ:

Мой анетить хорошъ и такъ.

Вѣримъ. Слѣдовательно, не поддѣжигъ споръ, и сомнѣнію, что первоначальное чувство, охватывающее Фауста по отношенію къ Маргаритѣ, есть не что иное, какъ половое влеченіе, перевозбужденный эротическими грезами и образомъ обнаженной Елены половой инстинктъ. Сомнѣваться въ этомъ нельзя, потому что самъ Фаустъ говоритъ Мефистофелю:

Вотъ весь мой сказъ: не будь сегодня въ ночь
Красотка на моей постели,—
Ты можешь убираться прочь.

Но Фаустъ не Донъ-Жуанъ; этотъ могучій умъ можетъ временно померкнуть, поглощенный плотскими вожделѣніями, эта возвышенная душа можетъ временно погрузиться въ пучину разврата, но ей не дано пасть, и всѣ усилія Мефистофеля тѣмъ болѣе тщетны, что таково предопредѣленіе свыше. Въ прологѣ говорится:

. Тебѣ позволю я
 Съ его основъ низринуть духъ сей мощный
 И повести его дорогою порочной,
 Коль силы хватить у тебя.
 Но убѣдись потомъ съ позоромъ,
 Что чистая душа въ своемъ исканьи смутномъ
 Сознаньемъ истины полна.

Дѣйствительно, при посѣщеніи комнаты Маргариты, хотя Фаустъ, распахнувъ пологъ постели, и говоритъ:

А здѣсь!.. Какая жажда наслажденій
 И страхъ какой стѣснили грудь мою!
 Здѣсь я блаженства чашу изонью!

но вслѣдъ за тѣмъ чувства его совершенно мѣняются:

А я?... Сюда что привело меня?
 О, небо, какъ глубоко тронуть я!
 Чего хочу, зачѣмъ такъ грудь страдаетъ?
 О, Фаустъ, кто теперь тебя узнаетъ?
 Какъ будто чары овладѣли мной:
 Я шель, чтобъ только насладиться,
 Пришелъ—и сердце грезами томится!
 Ужели мы—игра судьбы слѣпой?
 Какъ я своихъ бы мыслей устыдился,
 Когда-бъ ее сейчасъ я увидалъ!

Нѣтъ, не чары и не игра судьбы измѣнили чувства и мысли Фауста, но вполне понятный протестъ человѣческой природы и разума противъ постыднѣйшаго блуда, противъ совершенно искусственнаго возбужденія полового инстинкта эротическими грезами, возбужденія, ставшаго вдругъ преобладающимъ душевнымъ стимуломъ. Половое сношеніе съ Маргаритою спустя нѣсколько часовъ послѣ первой встрѣчи могъ бы имѣть развѣ баши-бузукъ, но никакъ не Фаустъ, несмотря на свой «хорошій аппетитъ». Онъ стыдится самого себя, онъ готовъ бѣжать безъ оглядки; но съ такимъ товарищемъ, какъ Мефистофель, убѣжишь вѣдь не дальше волшебнаго зеркала съ изображеніемъ голой женщины.

Сцена перваго знакомства Фауста съ Маргаритой въ саду принадлежитъ къ числу очаровательнѣйшихъ поэтическихъ твореній всѣхъ временъ и народовъ. Простодушная, безгранично добрая, непорочная въ полномъ смыслѣ слова Маргарита чаруетъ многомудраго Фауста, въ восторгѣ восклицаетъ:

Ахъ, отчего святая простота,
Невинность милая въ своемъ униженіи
Всей прелести своей не видитъ никогда!

Теперь для насъ возникаетъ вопросъ капитальный: восторгаясь прелестью Маргариты, питаетъ ли Фаустъ, хотя бы въ этотъ моментъ, по отношенію къ ней чистыя чувства, чуждыя той грубой похотливости, которую онъ обнаружилъ при первой встрѣчѣ? Ничуть не бывало: грубая похотливость лишь бессознательно маскировалась, но нисколько не измѣ-

нилась по существу, и вот доказательства: весь разговор Фауста съ Маргаритой ясно свидѣтельствуєтъ о томъ, что никакая прочная связь между ними не мыслима, что влюбленная Маргарита можетъ быть только игрушкою, но не подругою влюбленнаго Фауста. Между ними нѣтъ рѣшительно ничего общаго: дѣтскій лепетъ — и проповѣдь философа, удовлетворенность крохотнымъ міркомъ съ обыденнѣйшими интересами, радости и счастье, цѣлая жизнь, сосредоточенныя въ четырехъ стѣпахъ, — и стремленія, для удовлетворенія которыхъ тѣсна вселенная. Неужто это пара? Неужто мыслимъ продолжительный и прочный союзъ между Фаустомъ и Маргаритой? Конечно, нѣтъ; а потому и то, что чувствуетъ Фаустъ при первомъ свиданіи съ Маргаритой въ саду, есть не что иное, какъ идеализированное половое возбужденіе.

Фаустъ, заключивъ Маргариту въ свои объятія, говоритъ:

Люблю тебя, тебѣ понятно-ль это?

Ты знаешь ли, что значить: я люблю?

Конечно, не Маргаритѣ отвѣтить на этотъ вопросъ; она шепчетъ лишь:

Мнѣ страшно!..

Фаустъ продолжаетъ:

О, не страшись!

Пусть этотъ взоръ, рукопожатье скажутъ

Тебѣ все то, что словомъ не сказать!

Отдайся упоеніямъ любви!

Въ ней, въ ней одной живутъ восторги вѣчно, —

Да, безъ конца — губителенъ конецъ!

Нѣтъ, безъ конца блаженство двухъ сердецъ!

Относительно «вѣчной» любви у Фауста былъ передъ тѣмъ весьма характерный и серьезный споръ. Мефистофель уличаетъ Фауста, возмущеннаго необходимостью лжесвидѣтельствовать, въ томъ, что онъ всю жизнь лгалъ, обманывая и себя, и другихъ; мало того: что онъ и при предстоящемъ свиданіи съ Маргаритой будетъ облыжно клясться ей въ вѣчной любви и въ вѣчной вѣрности. На это Фаустъ отвѣчаетъ:

Когда я полнъ огня святого,
Тому, что сердце жжетъ во мнѣ,
Ищу, найти не въ силахъ слова;
Когда, обнявши сердцемъ свѣтъ,
То, для чего названья нѣтъ,
Страсть всемогущую, святую,—
Рѣшусь вѣчною назвать,—
Ужель и тутъ безстыдно лгу я?

Мефистофель ворчить:

А я вѣдь все же правъ опять!

Такъ вотъ въ чемъ разгадка; слова: святое чувство, вѣчная любовь, небесный пламень — только термины для обозначенія всемогущей страсти, которую мужчина ощущаетъ, когда въ первый разъ держитъ въ своихъ объятіяхъ облюбованную имъ красивую женщину,—термины, не имѣющіе никакого реальнаго содержанія; но въ такомъ случаѣ ничего святого и тѣмъ менѣе вѣчнаго въ этомъ чувствѣ нѣтъ, а называютъ его такъ только потому, что въ моментъ, когда человѣкъ всецѣло преисполненъ имъ, онъ не находитъ другого выраженія, и оно въ этотъ

моментъ — но и только — кажется ему святымъ. Женщину, въ которую человѣкъ влюбленъ, онъ называетъ ангеломъ, а свое чувство къ ней — святымъ. Но отчего же, возражать намъ, мы не хотимъ допустить, что это чувство дѣйствительно святое и вѣчное и что только въ большинствѣ случаевъ оно въ послѣдствіи опошляется житейскою прозою? Оттого, что мы знаемъ его происхожденіе; самъ Фаустъ отлично знаетъ это и въ своемъ отвѣтѣ Мефистофелю подтверждаетъ то же самое. Это чувство свято и вѣчно только тогда, когда оно возникло не на почвѣ полового влеченія, когда оно является и остается грезой, т. е., когда оно даетъ человѣку душевную гармонію безъ тѣлеснаго, полового общенія, другими словами, когда мужчина видитъ въ женщинѣ, или женщина въ мужчинѣ, идеалъ, воплощеніе добра, правды, красоты и величія человѣческой природы, и этотъ идеалъ наполняетъ всю душу чистыми, платоническими восторгамъ. Это-то и есть *das Ewig-Weibliche* пѣмцевъ; оно вполне реально, отнюдь не «пресловуто» и не «туманно». Но какъ только къ нему подмѣшивается половое влеченіе, потребность тѣлеснаго, плотскаго общенія, оно мгновенно исчезаетъ, и его мѣсто заступаетъ маскированная, идеализированная похоть со всѣми ея банальными результатами. Все это великолѣпно изображено въ лирической драмѣ Ростана «Принцесса Греза».

Возвратимся къ Фаусту.

Одно изъ двухъ: или его чувство къ Маргаритѣ дѣйствительно было вѣчно и свято, — тогда ей не предстояло бы никакой трагедіи, или же онъ только такъ называлъ его, потому что не находилъ въ по-

рывъ уношенія болѣе подходящаго термина, — тогда трагедія неизбежна. Мы знаемъ происхожденіе чувства Фауста къ Маргаритѣ, мы знаемъ его въ самомъ зачатѣѣ, и потому мы можемъ совершенно успокоиться: это настоящее половое влеченіе, желаніе насладиться тѣломъ ея, не взирая на бездонную пропасть, ихъ раздѣляющую. Отыѣтимъ еще одну подробность: плотская связь Фауста и Маргариты совершается не въ эту ночь, т. е. не послѣ сны въ саду, а впоследствии. Стало быть, Фаустъ имѣлъ полную возможность укротить разумомъ свое влеченіе и превратить его въ платоническое преклоненіе предъ красою, непорочною и ангельскимъ простодушіемъ. Но ничего подобнаго нѣтъ, и въ слѣдующей же сценѣ мы видимъ Фауста не только пресытившимся и разочарованнымъ, но—*horribile dictu!*—жаждущимъ другой женщины. Этотъ столь важный моментъ искаженъ обоими переводчиками; подлинникъ гласитъ:

Er (т. е. Мефистофель) *facht* in meiner Brust ein wildes Feuer
Nach jenem schönen *Bild* geschäftig an.

Переводъ г. Голованова:

Онъ раздуваетъ въ сердцѣ у меня
Къ прекрасному *созданью* пламень бурный.

Переводъ г. Холодковского:

Въ груди моей безумную любовь
Онъ возбудилъ къ девичьему *созданью*.

Еще того хуже и прямо невѣрно. *Bild* — не созданье, не Маргарита, а видѣнье, образъ, т. е. образъ Елены, видѣнный Фаустомъ въ волшебномъ

зеркалѣ. Фаустъ вожделѣветъ не Маргариты, которая ему уже надоѣла, а Елены, т. е. другой женщины, и конечно въ интересахъ Мефистофеля раздувать въ немъ именно этотъ «пламень бурный». Чтобы заглушить это вожделѣвіе, Фаустъ дѣлаетъ то же, что дѣлають и современные фаусты, а именно, онъ старается забыться въ половыхъ сношеніяхъ:

И я стремлюсь въ желаньяхъ къ наслажденьямъ,
А въ наслажденьяхъ я ищу желаній.

Другими словами, въ объятіяхъ Маргариты онъ мысленно обнимаетъ тотъ дивный (и притомъ облаженный) образъ, который видѣлъ въ волшебномъ зеркалѣ въ кухнѣ вѣдьмы.

И въ Маргаритѣ произошла перемѣна; она инстинктивно сознаетъ, что въ ея связи съ Фаустомъ есть нѣчто совершенно ненормальное, несмотря на то, что въ искренности его любви не можетъ быть никакого сомнѣнія. Отсюда неожиданный вопросъ, который Маргарита задаетъ Фаусту:

Ты въ Бога вѣришь ли?

Мы, конечно, очень далеки отъ мысли дать этому поразительному вопросу то объясненіе, которое даетъ ему Мефистофель:

Для дѣвушекъ такъ интересно знать,
Кто чтить религію: кто вѣритъ испритворно.
Тотъ и за нами, моль, пойдетъ покорно.

Но, съ другой стороны, мы не можемъ согласиться и съ объясненіемъ Фауста, по которому Маргарита, задавая ему этотъ вопросъ,

... мучится сознаніемъ, что она
Считать погнѣшамъ милаго должна.

Нѣтъ, это было бы слишкомъ ортодоксально для Маргариты. Дѣло въ томъ, что чудовищная ненормальность связи начинаетъ смутно сознаваться Маргаритой, она не можетъ понять этой ненормальности, но она чувствуетъ, чувствуетъ ее, т. е. она чувствуетъ, что плотская связь, основанная на одномъ наслажденіи, есть нѣчто «безбожное»; вотъ откуда вопросъ:

Ты въ Бога вѣришь ли?

Вѣдь и Маргарита ужъ пресыщена и къ тому же несомнѣнно беременна, такъ какъ въ слѣдующей сценѣ, у колодца, она прямо намекаетъ на это. Сама она, конечно, существо глубокого вѣрующее, но ей ли было устоять противъ такого возлюбленнаго, какъ Фаустъ, многомудрый Фаустъ, который «философію постигъ», который досконально изучилъ юриспруденцію, медицину и богословіе, въ груди котораго пылаетъ такое пожарнище страсти, которое могло бы озарить и воспламенить сердца цѣлой сотни Маргаритъ. Отзывъ Маргариты о Фаустѣ послѣ свиданія въ саду очень характеренъ:

Ахъ, Боже мой, какъ онъ ученъ!

Чего, чего не знаетъ онъ!

А я предъ нимъ должна стоять,

Краснѣть да слушать и молчать.

Ребенокъ я... онъ такъ уменъ...

И что во мнѣ находитъ онъ?

Бѣдняжка не понимаетъ, что Фаустъ находитъ въ ней красивую самку.

Итакъ, возвышенное, невыразимое, вѣчное и святое чувство, о которомъ Фаустъ говоритъ:

Когда ты ловишь взоръ любимый,

Скажи, не править ли душой

Какой-то духъ неуловимый
 И не парить ли надъ тобой
 Для сердца лениый, хоть незримый,
 Пльняи умъ, волнуи кровь,
 Блаженствомъ душу наполняя?
 Зови его какъ хочешь, дорогая:
 Восторгъ, душа, сиянье, *Богъ*, любовь—
 Къ чему здѣсь пни? Намъ его не надо:
 Все въ чувствахъ, въ чувствахъ вся отрада!

— да, вотъ это-то святое, вѣчное, божественное чувство привело къ слѣдующему результату: Фаустъ бросаетъ беременную Маргариту и идетъ плясать съ голыми вѣдьмами на Брокенѣ.

Но, съ другой стороны, спрашивается: что же и дѣлать Фаусту съ беременной Маргаритой? Онъ можетъ сколько угодно терзаться угрызениями совѣсти, онъ можетъ рисковать жизнью, чтобы спасти несчастную жертву «вѣчной» и «святой» любви, онъ можетъ проникнуться къ ней чувствомъ безмѣрнаго состраданія и жалости, онъ можетъ погибнуть вмѣстѣ съ нею, — но отнюдь не соединиться съ нею прочною семейною связью, для каковой фаустовскія патуры не имѣютъ никакихъ задатковъ. Фаустъ и беременная Маргарита! Самое пылкое воображеніе не въ состояніи установить между ними какого бы то ни было союза. Вотъ, Маргарита стройная, невинно улыбающаяся и стыдливо опускающая чудные глазки, Маргарита съ роскошной бѣлокурой косою, съ выпушками на плечахъ и локтяхъ, съ неизбѣжной сумочкой на боку, чудно-прекрасная, лепечущая розовыми губками слова любви, — а, это совсѣмъ другое дѣло. Несчастливая слишкомъ поздно поняла это; когда Фаустъ предлагаетъ ей бѣжать изъ тюрьмы, она, оза-

ренная въ сумасшествіи своемъ проблескомъ свѣта, восклицаетъ:

Зачѣмъ бѣжать? Вѣдь въ этомъ нѣтъ спасенья.

Да, если тамъ насъ ждетъ могила,

Тогда пойдемъ туда, мой милый,—

Ни шагу далѣе!

Дѣйствительно, допустимъ, что она согласилась бѣжать съ Фаустомъ; допустимъ, что время и близость любимаго человѣка исцѣлили всѣ душевныя раны ея: забыты и отравленная мать, и убитый братъ, и утопленный ребенокъ; допустимъ, далѣе, что Фаустъ самоотверженно пожертвовалъ собою для «спасенія» Маргариты и женился на ней. Хотя все это совершенно неправдоподобно, но допустимъ, что это случилось. Результатъ, во всякомъ случаѣ, получился бы сугубо-печальный: постылая, потерявшая молодость, очаровательность и простодушіе Маргарита, выводящая ежегодно по младенцу, и Фаустъ, тоскующій, рвущійся на волю, Фаустъ, мощный духъ котораго силится объять вселенную, Фаустъ, который

Всегда куда-то въ даль стремится,

Всегда въ желанья погруженъ:

То съ неба звѣздъ желаетъ онъ,

То хочетъ высшимъ счастьемъ насладиться —

И все не можетъ удовлетвориться.

Вѣдь въ это время Фаустъ еще не занимается осуществленіемъ болотъ; за это благое дѣло онъ принимается подъ старость, когда уже никакія Маргариты и Елены не манятъ его больше. Вѣдь пока еще онъ тотъ Фаустъ, который высказалъ въ кухнѣ вѣдьмы Ме-

фистофелю, предложившему ему «опроститься», для того, чтобы «на тридцать лѣтъ моложе стать»:

Я не привыкъ—миѣ трудно пріучаться
Съ лопатою и заступомъ таскаться.
Нѣтъ, узкая миѣ жизнь не суждена!

Короче, Маргаритѣ, «спасенной» Фаустомъ, всетаки предстояла бы гибель, или, по меньшей мѣрѣ, жизнь, исполненная невыносимыхъ страданій.

Подведемъ итоги нашему анализу. Намъ кажется, что они ясны и неопровержимы. Устами великаго поэта, всемірнаго генія, написавшаго величайшее по глубинѣ идеи, по глубинѣ чувства, по глубинѣ анализа человѣческой жизни и человѣческой души произведеніе, — устами Вольфганга Гёте человѣчеству высказана слѣдующая истина: чувство, называемое въ обществѣ и въ поэзіи любовью, есть не что иное, какъ неудовлетворенное половое влеченіе; возвышеннымъ, святымъ и вѣчнымъ это чувство быть не можетъ, такъ какъ проникнутый имъ человѣкъ стремится только къ личному наслажденію, слѣдовательно, оно грубо-эгоистично; то, что въ проявленіяхъ и перипетіяхъ этого чувства является возвышеннымъ и прекраснымъ, есть идеализація; реализованное же въ плотскомъ половомъ общеніи, оно превращается или въ мерзвѣйшій блудъ со всѣми его послѣдствіями, или, въ лучшемъ случаѣ, влечетъ за собою полнѣйшее разочарованіе, *если влюбленныхъ не связываетъ еще что-либо иное, кроме ихъ любви другъ къ другу.* Послѣдствія «вѣчной» любви Фауста къ Маргаритѣ: разрывъ отношеній, невыразимыя страданія Марга-

риты, блудъ Фауста на Брокенѣ, беременность Маргариты, дѣтоубійство, сумасшествіе.

Поэзія Вольфганга Гёте, въ которой романъ начинается тамъ, гдѣ онъ въ огромномъ большинствѣ другихъ поэтическихъ произведеній кончается, т. е. «соединеніемъ любящихъ сердецъ», есть истинная поэзія, повѣщающая міру правду. Поэзія же огромнаго большинства другихъ произведеній романическаго и лирическаго содержанія, въ прозѣ и стихахъ, изображающая только идеализованную, но не реализованную любовь и скрывающая послѣдствія послѣдней, для того, чтобы «не помрачилась красота», есть поэзія ложная, несмотря на то, что она существуетъ тысячелѣтія. Отъ правды же красота не можетъ помрачиться, но должна возсіять еще ярче; вотъ почему, несмотря на весь ужасающій реализмъ, эпизодъ Маргариты, какъ и весь «Фаустъ», — произведеніе, исполненное высшей красоты, которая можетъ возсіять лишь въ истинѣ, а не во лжи.

Для того, чтобы влюбленность или такъ называемая любовь могла служить основой прочнаго и счастливаго союза между мужчиною и женщиною, къ ней должно быть присоединено еще многое другое. Само по себѣ это чувство, будучи, вопреки общераспространенному мнѣнію, грубо-эгоистичнымъ, такъ какъ человѣкъ, охваченный имъ, жаждетъ лишь личныхъ, тѣлесныхъ наслажденій и чувствуетъ влеченіе къ другому человѣку только какъ къ объекту, могущему ему доставить эти наслажденія, — само по себѣ, говоримъ мы, это чувство не можетъ установить въ человѣкѣ душевную гармонию, другими словами — доставить ему счастье, такъ же, какъ и всѣ

другія эгоистическія чувства. Возьмемъ любое изъ нихъ, хотя бы корыстолюбіе. Человѣкъ бережливый, тратящій деньги съ расчетомъ и заботящійся объ обезпеченіи своей старости, своей семьи, — человѣкъ нормальный, могущій, *ceteris paribus*, пользоваться наибѣйшимъ душевнымъ миромъ, а если онъ къ тому же удѣлитъ хоть малую толщину неимущимъ или будетъ содѣйствовать, благодаря своимъ средствамъ, поднятію ихъ благосостоянія, то онъ можетъ быть и прямо человѣкомъ счастливымъ. Но корыстолюбецъ и скряга ни нормальными, ни счастливыми быть не могутъ, потому что ихъ страсть къ накопленію денегъ — грубо-эгоистическая и, какъ таковая, ненасытна. Скряга, это — существо морщинистое, безъ кровинки въ лицѣ, съ ястребинымъ клювомъ вмѣсто носа, съ злобно и боязливо бѣгающими глазами, проклинаящій и ненавидящій все, что исполнено жизнерадостности и счастья, которыя ему совершенно недоступны. Никогда, ни при какихъ условіяхъ, корыстолюбіе не можетъ создать душевный миръ и быть источникомъ человѣческаго счастья, тѣмъ болѣе, что оно, подобно всѣмъ эгоистическимъ инстинктамъ вообще, не знаетъ границъ. Счастье, основанное на корыстолюбіи, психически невозможно, потому что человѣкъ, въ которомъ рѣзко преобладаетъ тотъ или другой изъ эгоистическихъ инстинктовъ, всегда ненормаленъ; такова природа человѣка, существа прежде всего соціальнаго и обязаннаго всѣми своими высшими особенностями, физическими, умственными и нравственными, соціальной жизни. Корыстолюбіе, это — видоизмѣненный, грубѣйшій изъ всѣхъ эгоистическихъ инстинктовъ, — инстинкъ само-

сохраненія, ненормально развившійся и получившій преобладаніе надъ остальными.

Совершенно то же самое относится и ко всѣмъ другимъ эгоистическимъ инстинктамъ: материнскому, инстинкту разрушенія, инстинкту созиданія. Несмотря на всю симпатичность материнскаго инстинкта, онъ тѣмъ не менѣе безусловно эгоистиченъ по природѣ и сущности своей. Что такое материнскій инстинктъ? — Любовь человѣка къ своимъ собственнымъ произведеніямъ. Тигрица, пѣжно любящая своихъ дѣтенышей, тѣмъ не менѣе остается хищнымъ, кровожаднымъ звѣремъ, при чемъ кровожадность ея усиливается во время вскармливанья дѣтенышей, т. е. въ періодѣ наибольшаго преобладанія материнскаго инстинкта надъ остальными. Материнская любовь, ставъ преобладающимъ инстинктомъ, заглушающимъ остальные, такъ же мало способна дать душевный миръ и счастье, какъ корыстолюбіе. Сколько дѣтей нравственно уродуются и становятся впоследствии зловредными членами общества благодаря материнской любви, не руководимой высшими инстинктами и разумомъ. Мать, «безумно» любящая своихъ дѣтей, грубая эгоистка, потому что она не заботится о томъ, что изъ нихъ выйдетъ, когда они подрастутъ, но тѣшитъ только свой инстинктъ. Дѣтей надо любить умно, а не безумно, т. е. надо главнымъ образомъ заботиться о ихъ будущемъ счастьи и ихъ будущей дѣятельности, но не видѣть въ нихъ объекты личнаго наслажденія.

Про инстинктъ разрушенія не приходится много распространяться. Преобладая, онъ превращаетъ человѣка въ злое, негодующее на весь міръ, любую-

ищеся страданіями другихъ существо, относительно котораго самая постановка вопроса о душевной гармоніи и счастья немислима. Злоба и счастье — по нити несовмѣстимыя, какъ несовмѣстимы по Пушкину «геній и злодѣйство». Но даже инстинктъ созиданія, не приравленный альтруизмомъ, т. е. любовью къ людямъ, но сосредоточенный въ самомъ себѣ, ведетъ лишь къ глухому маіачеству, не могущему служить основой душевной гармоніи и счастья. Бывали же помѣщики, во времена дарового труда крѣпостныхъ, доставлявшаго имъ возможность пользоваться безконечнымъ досугомъ, которые вышивали на пальяхъ. Современные коллекторы монеть, тростей, вѣровъ, почтовыхъ марокъ, рикавыхъ инстолетовъ и табакерокъ, — тоже люди съ односторонне преобладающимъ инстинктомъ созиданія, и сами они знаютъ, что это у нихъ страсть, маія. Коллекція марокъ въ музеѣ, это — дѣло другое; но коллекція марокъ, скрываема, хранима, какъ Граалова чаша, за семью замками, въ которую обладатель заглядываетъ по ночамъ, запершись на ключъ; преступленія, совершаемыя для того, чтобы добыть марку острова Св. Мавріція 1831 года, это — маіачество, обусловленное перевозбужденіемъ инстинкта созиданія, не руководимаго альтруизмомъ.

Изъ всѣхъ человѣческихъ инстинктовъ, инстинктъ половой, въ особенности когда онъ искусственно превращенъ изъ видоваго въ личный, самый опасный врагъ человѣческаго счастья; не даромъ Огюсть Контъ называлъ его «l'instinct le plus perturbateur». Инстинктъ этотъ очень сложенъ; будучи по существу своему инстинктомъ видовымъ, слѣдовательно служа-

щимъ не эгоистическимъ цѣлямъ, какъ и инстинктъ материнскій, онъ въ то же время является источникомъ одного изъ самыхъ сильныхъ тѣлесныхъ, стало-быть чисто личныхъ, наслажденій, безъ которыхъ онъ не можетъ обнаружиться. У животныхъ строго регулированныя половыя функціи: размноженіе не припесено въ жертву наслажденію, интересы вида не страдаютъ отъ интересовъ индивида, а если страдаютъ, то грозный регуляторъ органической жизни на землѣ — борьба за существованіе и, какъ слѣдствіе ея, естественный подборъ очень скоро приводятъ все къ нормѣ. Но человѣкъ, въ особенности человѣкъ культурный, извратилъ половой инстинктъ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ него источникъ только личнаго наслажденія, искусственно элиминировавъ видовое значеніе его. Это совершенно ненормальное превращеніе инстинкта, по существу своему видового, въ исключительно индивидуальный привело, какъ намъ уже извѣстно, къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, и долго еще придется человѣку работать надъ собою, чтобы привести къ нормѣ и согласовать потребность размноженія, почти сведенную къ нулю, съ потребностью наслажденія, ставшею чудовищно-сильною. Лишь систематическимъ воспитаніемъ нѣсколькихъ поколѣній навѣрно удастся достигнуть этого согласованія, тогда какъ надежда на то, что оно установится само собою, совершенно фиктивна. Нерегулированный разумомъ и альтруизмомъ, половой инстинктъ въ человѣкѣ опасенъ вотъ чѣмъ: возбужденный, но неудовлетворенный, онъ превращается въ неукротимую, жгучую страсть, ввергающую человѣка во временное функціональное помѣшательство, за-

ставляющую его на все смотрѣть совершенно превратно, отнимающую у него, подобно алкоголю, способность здраваго сужденія и пониманія дѣйствительности; недаромъ говорятъ: «въ чаду любви», «въ опьянѣнїи страстью» совершены такія-то и такія глупости, а то и преступленія. Удовлетворенный же, инстинктъ этотъ, будучи отъ природы слабо развитымъ въ человѣкѣ, быстро, почти мгновенно исчезаетъ, что совершенно мѣняетъ психическое состояніе человѣка; настроеніе, въ особенности мужчины, до полового акта и послѣ него — совершенно различное; объектъ наслажденія утрачиваетъ всякую привлекательность, а въ случаяхъ злоупотребленія половыми сношеніями посредствомъ искусственнаго возбужденія полового инстинкта — вызываетъ даже враждебныя чувства. Скрыга можетъ наслаждаться пересчитываніемъ своихъ денегъ и приумноженіемъ ихъ непрерывно, въ теченіе многихъ лѣтъ, безъ усталости; можетъ цѣлыми днями, мѣсяцами и годами наслаждаться своими дѣтьми; но нельзя безъ усталости предаваться половому наслажденію, такъ какъ сопряженныя съ нимъ тѣлесныя траты, въ особенности у мужчины, производятъ рѣзкія перемѣны въ питаніи организма и въ состояніи головного мозга въ особенности. Антрактъ является безусловною необходимостью; каковъ долженъ былъ бы быть этотъ антрактъ, если бы человѣкъ сознательно и альтруистично относился къ жизни и къ своему человѣческому призванію, намъ уже извѣстно. Но такъ какъ страстная любовь или влюбленность, лежащая въ основѣ такого множества молодыхъ браковъ и являющаяся, какъ нами выяснено, безусловно эгонистиче-

скимъ инстинктомъ, ставить на первый планъ личное наслажденіе, превращая такимъ образомъ средство въ цѣль, то нарушеніе душевной гармоніи, временно поддерживавшейся псевдовольствіемъ страсти, неизбежно наступаетъ послѣ ея удовлетворенія, если союзъ между мужчиной и женщиной не имѣетъ иныхъ, гораздо болѣе важныхъ и прочныхъ, чѣмъ личное наслажденіе, основъ. Итакъ, отсутствіе душевной гармоніи, а слѣдовательно и счастья, при преобладаніи иныхъ страстей, компенсируется непрерывностью ощущенія, доставляющаго человѣку наслажденіе и ввергающаго его въ состояніе хотя и ненормальнаго, но довольно устойчиваго душевнаго равновѣсія; при преобладаніи же половой страсти, столь быстро притупляющейся послѣ полученнаго хотя бы единовременнаго удовлетворенія, очень скоро является полное нарушеніе душевной гармоніи, или стремленіе къ суррогатамъ. Недовольство, неизбежное при этомъ, переносится на объектъ наслажденія въ силу вышеуказанной врожденной особенности центральной первичной системы человѣка. Отсюда измѣны и блудъ женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ. Измѣны въ семейной жизни происходятъ вовсе не потому, что «онъ» или «она» полюбили кого-то другого; ни о какой любви здѣсь рѣчи быть не можетъ; все дѣло въ томъ, что измѣняющая сторона, бывшая до брака глубоко убежденною, что половыя сношенія — самая суть и основа брака, а «любовь» — чувство святое, дивное и вѣчное, послѣ болѣе или менѣе продолжительной практики перестала ощущать какое-бы то ни было наслажденіе въ половыхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, съ

которымъ связапа, и совершенно ошибочно приписываетъ это именно ему; а такъ какъ безъ наслажденія половыми сношеніями соль жизни исчерпается, жизнь теряетъ всякій интересъ и смыслъ, то необходимо прибѣгнуть къ суррогату, т. е. имѣть такія половыя сношенія, которыя доставляютъ наслажденіе; надолго ли? — неизвѣстно, но чувство опять то же самое, — до удовлетворенія, конечно. Если бы люди, вступая въ бракъ по «любви», хотя бы самой страстной, въ то же время руководились сознаниемъ отвѣтственности предъ обществомъ, сознаниемъ, что бракъ — учрежденіе прежде всего общественное, что личное наслажденіе, извлекаемое изъ полового инстинкта, есть стимулъ, сближающій мужчину и женщину, но не только, но никакъ не самая цѣль сближенія, которая всегда была, есть и будетъ — продолженіе рода посредствомъ рожденія физически здоровыхъ и нормально воспитанныхъ дѣтей; если бы брачащіеся руководились сознаниемъ, что эгоистическія страсти не могутъ служить основой душевнаго мира и счастья, а половая страсть меньше всего, такъ какъ она быстро утоляется, и что только чувства не эгоистическія, каковы — дружба, привязанность, уваженіе, любовь къ другимъ людямъ и желаніе содѣйствовать ихъ благу своею жизнью и дѣятельностью, могутъ одни лишь служить неизблѣнными основами счастья личнаго и семейнаго, основами, не боящимися никакихъ разочарованій, потому что разочарованіе бываетъ только тогда, когда было очарованіе, т. е. ослѣпленіе эгоистическою страстью, — то чувство любви мужчины къ женщине и женщины къ мужчине, даже и имѣя въ основѣ

своей половое влеченіе, дѣйствительно могло бы служить прочною и вѣчною связью, отнюдь не будучи платоническимъ. Мы никогда не назвали бы его святымъ, заслуживающимъ восторженныхъ восхваленій въ прозѣ и стихахъ, ибо такихъ восхваленій заслуживаетъ лишь чистѣйшій альтруизмъ, находящій полное удовлетвореніе въ благѣ другихъ, а не въ личномъ наслажденіи, но, во всякомъ случаѣ, мы могли бы съ полнымъ правомъ признать его прочною, полезною и нормальною для огромнаго большинства людей основою половыхъ отношеній.

Но ничего общаго съ влюбленностью, съ страстною, безумною любовью, какъ проявленіями экзальтированнаго, идеализированнаго и неудовлетвореннаго полового инстинкта, подобная любовь не имѣетъ. Пусть первымъ стимуломъ ея будетъ взглядъ, идіосинкразія совершенно безсознательная, половое вожделѣніе, — но только первымъ стимуломъ; а затѣмъ должны заговорить совершенно инныя мысли и чувства. Влюбленность, продолжающаяся мѣсяцами и кончающаяся въ два-три дня послѣ свадьбы, есть недостойная и опасная игра, имѣющая очень вредныя послѣдствія, личныя и общественныя, такъ какъ благодаря ей въ огромномъ большинствѣ случаевъ брачный союзъ превращается въ нѣчто постылое и глупое, а зачастую и въ нѣчто трагическое, что гибельно отражается на подрастающихъ поколѣніяхъ. Многое могла бы въ этомъ отношеніи сдѣлать поэзія, на которой юношество воспитываетъ свои чувства. Выдвигать не перипетіи влюбленности и жгучей страсти, но перипетіи альтруизма, которыя должны быть неизбѣжными спутниками, модераторами и ре-

гуляторами ихъ, вотъ что должна поэзія. Анализъ въпоблешности и блуда въ энической и лирической поэзіи доведенъ до совершенства, а анализъ истинности альтруистическихъ, являющихся главною основою личнаго, семейнаго и общественнаго блага? Онъ ничтоженъ; въ тенденціозныхъ же произведеніяхъ онъ и неглубокъ, и іезуитиченъ. Впрочемъ, что говорить о поэзіи, о литературѣ, которую надо записать на ключъ, когда въ домѣ есть подростки 15—16 лѣтъ.

Чтобы не оставаться исключительно на почвѣ общихъ разсужденій, укажемъ на одно изъ печальнѣйшихъ проявленій брачнаго общенія, основаннаго на эгоизмѣ: полнѣйшее равнодушіе большинства женъ къ общественной дѣятельности мужей. Къ получаемымъ мужьями доходамъ онѣ относятся съ величайшимъ интересомъ; но спекуристъ ли мужъ, карьеристъ ли, взяточникъ, интриганъ, притѣснитель, вообще является ли онъ вредною или полезною въ общественномъ смыслѣ личностью, это имъ совершенно безразлично, пока онъ хорошъ какъ мужъ; тысячи людей могутъ прокливать человѣка за то, что онъ звергъ ихъ ради своихъ личныхъ интересовъ, или по злобности натуры, или по искаженности понятій, въ величайшія бѣдствія, но для своей жены, если только онъ исправный супругъ, онъ всегда остается «милымъ», «дорогимъ», а то и «душкой». Жалобы и недовольство начинаются только тогда, когда онъ даетъ мало денегъ, а еще чаще—когда онъ слишкомъ «холоденъ», т. е. болѣе поглощенъ своими дѣлами, своею общественною дѣятельностью, чѣмъ своимъ брачнымъ ложемъ. Нормально ли это? Не

сводится ли такимъ образомъ благотѣльное смягченіе правовъ посредствомъ воздѣйствія женщины на мужчинъ къ нулю? Не совершается ли множество безсовѣстныхъ и преступныхъ дѣяній не только для женщинъ, но и съ ихъ санкціей? Укралъ, по приписи домой и купилъ женѣ подарокъ, — ангелъ; мѣсяцъ избѣгалъ по тѣмъ или инымъ причинамъ брачнаго ложа — извергъ, замышляющій измѣну и погубившій несчастную женщину, которая такъ свято вѣрила въ его любовь. Выходя замужъ, дѣвушки интеллигентныхъ классовъ совершенно не интересуются соціальнымъ обликомъ своихъ жениховъ. Соціальное *положеніе* — о, да! этимъ опѣ очень и очень заинтересованы, но вѣдь въ огромномъ большинствѣ случаевъ это *sine qua non*, и самое сближеніе возможно только потому, что женихъ принадлежитъ къ тому же кругу, къ которому принадлежитъ невеста. Родители идутъ нѣсколько дальше и смотрятъ въ корень, т. е. наводятъ справки о боковомъ карманѣ жениха и о томъ, какъ онъ идетъ по службѣ; но вѣдь очень часто получается блестящая аттестація о такихъ господахъ, которыхъ не слѣдовало бы пускать въ прихожую.

Каковы результаты полного равнодушія выходящихъ замужъ къ тому, что мы назвали соціальнымъ обликомъ мужчины? Очень часто самые плачевные именно для вышедшей замужъ, еще чаще для обѣихъ сторонъ и, во всякомъ случаѣ, для дѣтей. Близкайшимъ образомъ это игнорированіе и равнодушіе могутъ имѣть послѣдствіемъ недовольство именно соціальными поведеніями мужа, нагнѣвъ его знакомствами, играющими немаловажную роль въ семейной

жизни; насколько избранный кружокъ людей прав-
ственныхъ и интеллигентныхъ можетъ содѣйствовать
упроченію семейнаго союза, внося въ него освѣ-
жающую струю общественности. настолько кружокъ
эгоистовъ, являющихся въ домъ только для того,
чтобы убить вечеръ, повинтить, поболтать о раз-
ныхъ пустякахъ, пошлословить, напиться, — можетъ
усилить семейный разладъ, если онъ «немножко»
начался, и даже быть его причиной. Конечно, часто
жена привыкаетъ ко всему, приспосаблиется и при-
миряется. Но если этого примиренія нѣтъ, если
вкусы оказываются радикально противоположными,
то разочарованіе и разладъ неизбежны: постылая
дѣла мужа, постылый кругъ знакомствъ, а затѣмъ
и постылый мужъ, занимающійся этими дѣлами и
имѣющій такихъ знакомыхъ. Семейнаго союза боль-
ше нѣтъ; остался еле держащійся дѣтьми и дѣто-
рожденіями кабальный договоръ, который обѣ сто-
роны съ радостью уничтожили бы, что сплосъ и
рядомъ и дѣлается. Слѣдовательно, какъ съ обще-
ственной, такъ и съ чисто личной точки зрѣнія,
соціальный обликъ мужчины долженъ быть бы прежде
всего интересовать женщину, вступающую съ нимъ
въ брачный союзъ. «Какую должность занимаетъ
вашъ мужъ?» — «А онъ тамъ въ министерствѣ завѣ-
дуетъ чѣмъ-то». Чѣмъ-то!.. А завѣдуетъ онъ иногда
тѣмъ, отъ чего зависитъ участь миллионы, и завѣ-
дуетъ отвратительно. При такомъ взглядѣ на дѣя-
тельность мужа, при такомъ полномъ отсутствіи аль-
труизма и общественности, и воспитаніе дѣтей
является въ большинствѣ случаевъ убогимъ, совер-
шенно эгоистичнымъ, узко-индивидуальнымъ, чуж-

дымъ альтруистическѣхъ влущеній. Дѣло не въ томъ, что дѣти избалованы или забиты, а въ томъ, что они получаютъ совершенно эгоистическое воспитаніе и сами становятся въ послѣдствіи грубыми эгоистами во вредъ себѣ и обществу.

Въ силу всѣхъ приведенныхъ въ этой главѣ соображеній мы считаемъ и третье положеніе, вытекающее изъ «Брейцеровой сонаты», непреложною истиною: такъ называемая любовь или влюбленность, будучи по существу своему неудовлетвореннымъ половымъ инстинктомъ, превращеннымъ въ источникъ личнаго наслажденія, не можетъ служить основою брачнаго союза, такъ какъ за удовлетвореніемъ полового влеченія наступаетъ равнодушіе и недовольство, если отношенія мужа и жены не регулированы общественностью и альтруизмомъ.

IV

Телеграмма изъ Парижа отъ 23 Ноября (5 Декабря 1898 г. (Россійское телеграфное агентство) принесла очень утѣшительное извѣстіе, если только это не фальсификація. Приводимъ эту телеграмму цѣлкомъ:

«Въ официальномъ отчетѣ минист-
«стра торговли о движеніи населенія въ
«1897 г. удостовѣрено, что населеніе
«возросло на 108.088 человекъ, но это
«возрастаніе вызвано сравнительно
«меньшею смертностью, а не боль-
«шимъ числомъ рожденій, противъ 1896
«года.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что умень-
шеніе смертности несравненно болѣе вѣрный, слѣ-
довательно болѣе разумный, и во всякомъ случаѣ
болѣе гуманный и симпатичный способъ поддержа-
нія вида или рода, чѣмъ усиленіе рождаемости. Въ
мірѣ растительномъ и животномъ этого способа не
существуетъ: тамъ свирѣпствуетъ неумолимый законъ
естественнаго подбора, т. е. гибель неприспособлен-
ныхъ къ условіямъ жизни особей, компенсируемая
безграничнымъ количествомъ рожденій; исключеніе
составляютъ виды, прочно установившіеся, съ совер-

шенно опредѣленнымъ и при томъ очень ограниченнымъ райономъ распространенія. Самка рыбы мечетъ свыше милліона ичечекъ (икринокъ) въ каждый перестъ; но сколько изъ нихъ развивается и выживаетъ? Едва тысячная часть; остальные погибаютъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ: механическихъ поврежденій, поѣданія другими рыбами, паразитическихъ болѣзней и т. д. Размножаемость растений еще сильнѣе, но и здѣсь подборъ дѣлаетъ свое дѣло: изъ милліоновъ сѣмянъ, приносимыхъ какимъ-нибудь деревомъ, точно также выживаетъ и развивается едва лишь тысячная часть, отличающаяся болѣею стойкостью и живучестью. По болѣе или менѣе достовѣрному вычисленію Дарвина, потомство одной пары млекопитающихъ, производящихъ ежегодно одну пару особей, принимая продолжительность періода половой дѣятельности всего лишь въ 15 лѣтъ для каждой пары, въ одно столѣтіе покрыло бы весь земной шаръ, если бы не встрѣтило препятствій своему распространенію въ борьбѣ за существованіе. Къ сожалѣнію, тотъ же регуляторъ свирѣпствуетъ и въ родѣ человѣческомъ; даже среди передовыхъ европейскихъ народовъ регуляторомъ размноженія являются не нравственные начала, не разумъ человѣческій, не любовь къ роду, т. е. альтруизмъ, но та же борьба за существованіе и тотъ же подборъ, производимый болѣзненностью, унаследованною и благопріобрѣтенною, недостаткомъ пищи (неурожай), разрушительными вѣйніями условіями существованія, войнами, эпидеміями, *главнымъ же образомъ ужасающею смертностію молодыхъ особей (дѣтей) вслѣдствіе врожденнаго слабосилія и разру-*

иницельныхъ вліяній. Однимъ словомъ, вымпраіе слабіишихъ — таково регуляторъ размножаемости въ родѣ человѣческомъ въ концѣ XIX вѣка; такимъ же онъ былъ и въ каменномъ вѣкѣ.

Смертность дѣтей, въ особенности грудныхъ, въ возрастѣ до 1 года, во всемъ мірѣ громадна. Ужасающія цифры представляеть и наша статистика *), наша въ особенности. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, родившихся въ 1892 году было 4.033.402, изъ нихъ 2.071.571 мальчиковъ и 1.961.831 дѣвочекъ, въ томъ числѣ выѣбрачныхъ 55.129 мальчиковъ и 52.670 дѣвочекъ. Умерло въ томъ же году 3.596.585 человѣкъ обоого пола всѣхъ возрастовъ, причемъ въ возрастѣ до 5 лѣтъ 2.036.940 дѣтей, слѣдовательно, свыше половины всего числа умершихъ. Последняя цифра состоитъ изъ слѣдующихъ слагаемыхъ:

Въ возрастѣ:	Умерло въ 1892 году:
До 1 года	1.237.012
Отъ 1 » до 2 лѣтъ	372.327
» 2 лѣтъ » 3 »	208.180
» 3 » » 4 »	128.756
» 4 » » 5 »	90.665
Всего. . .	2.036.940

Ужасающая цифра смертности въ возрастѣ до 1 года — больше половины общаго числа дѣтей, умершихъ до достиженія 5 лѣтъ, и больше трети общаго числа умершихъ всѣхъ возрастовъ — является суммою, состоящею изъ слѣдующихъ слагаемыхъ:

*) Loc. cit.

Въ возрастѣ:	Въ 1892 г. умерло:
До 1 мѣсяца	295.502
Отъ 1 » до 3 мѣсяцевъ .	257.527
» 3 » » 6 » .	279.657
» 6 » » 1 » года .	404.326

Всего . . . 1.237.012

Отсюда видно, что наибольшее количество дѣтей умираетъ въ возрастѣ до 1 мѣсяца и отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года; значительность послѣдней цифры можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ этомъ возрастѣ происходитъ прорѣзываніе зубовъ, всегда сопровождающееся, благодаря врожденной слабости и неправильному уходу, всевозможными болѣзнями, преимущественно желудочно-кишечными.

Выраженные про mille, цифры эти представляются слѣдующими:

Въ возрастѣ:	На 1000 умершихъ обоюго пола приходилось:	
	Въ 1892 г.	Въ 1891 г.
До 1 года	344,2	384,0
Отъ 1 » до 5 лѣтъ	222,4	208,3
Всего	566,6	592,3

т. е. свыше половины. Послѣ 5 лѣтъ смертность рѣзко уменьшается, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ возрастѣ:	На 1000 умершихъ обоюго пола приходилось:	
	Въ 1892 г.	Въ 1891 г.
Отъ 5 до 10 лѣтъ	55,4	47,5
» 10 » 15 »	20,7	17,8

Это вполне понятно: подборъ сдѣлалъ свое дѣло, и выжившія «молодыя особи» имѣютъ всѣ шансы на дальнѣйшее существованіе.

Сравнивая число дѣтей, умершихъ до 1 года, съ числомъ родившихся, получаемъ:

Въ возрастѣ:	На 1000 родившихся умерло:	
	Въ 1892 г.	Въ 1891 г.
До 1 мѣсяца . . .	73,3	72,2
Отъ 1 » до 3 мѣс.	63,8	59,3
» 3 » » 6 »	69,3	59,8
» 6 » » 1 года	100,3	83,0
Всего . . .	306,7	274,3

Цифры эти очень напоминаютъ цифры смертности нашихъ воспитательныхъ домовъ, гдѣ изъ трехъ питомцевъ также умираетъ примѣрно 1; для примѣра приведемъ цифры изъ отчета московскаго воспитательнаго дома за 1894—96 годы *):

Годы.	Число дѣтей	
	принятыхъ.	умершихъ.
1894	9834	3239
1895	9600	2611
1896	9782	3908

Чтобы утѣшиться, обратимся къ другимъ странамъ. Громадна смертность дѣтей, въ особенности въ возрастѣ до 1 года, и въ Германіи**), какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

*) «Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины», изд. Медич. Департаментомъ. 1898 г., Ноябрь.

**) Ibidem, Июнь.

Въ возрастѣ:	Въ 1895 г. въ Гер- маніи умерло:
До 1 года	406.599
Отъ 1 » до 15 лѣтъ	167.657
» 15 лѣтъ » 60 »	258.519
Свыше 60 лѣтъ	268.645
Неизвѣстнаго возраста	521

Всего . . . 1.101.971

И здѣсь, слѣдовательно, число дѣтей, умершихъ въ возрастѣ до 1 года, составляетъ болѣе одной трети общаго числа умершихъ.

Нѣсколько меньше смертность грудныхъ дѣтей во Франціи, но и тамъ она, въ абсолютныхъ цифрахъ, огромна. Такъ, въ 1887 г. изъ 942.263 родившихся умерло въ первый мѣсяцъ жизни 62.817, или около 7⁰/₀. Почти то же, что у насъ (см. цифры).

По *Эстерлену* средняя смертность дѣтей въ первый мѣсяцъ жизни для европейскаго населенія равняется 10⁰/₀. Но спрашивается, отъ чего же зависить, чѣмъ обуславливается гибель такого ужасающаго количества дѣтей? — Парижская медицинская академія указала на слѣдующія главныя причины **):

1) Крайняя бѣдность и очень часто развратъ, являющіеся во многихъ случаяхъ причиною врожденной слабости дѣтей и лишаящіе ихъ попеченія и соответственнаго ухода.

2) Лишеніе поворожденныхъ материнскою грудью, иногда въ силу необходимости, но очень часто совершенно произвольное и ничѣмъ не оправданное.

*) См. В. И. Жукъ „Мать и дитя“. 1897, стр. 761.

3) Большое количество вибѣрочныхъ дѣтей, которыя во всѣхъ странахъ умирають въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ дѣти брачныя.

4) Незнаніе простѣйшихъ правилъ вскармливанія и физическаго воспитанія дѣтей въ первомъ году жизни, а также всякіе предрасудки, вытекающіе изъ этого незнанія.

5) Злоупотребленіе искусственнымъ вскармливаніемъ, которое всегда уступаетъ естественному и часто становится опаснымъ благодаря затрудненіямъ, представляющимся при его примѣненіи.

6) Преждевременное подкармливанье, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ искусственнымъ вскармливаньемъ, хотя они почти всегда тѣсно соединены другъ съ другомъ.

7) Отсутствіе необходимыхъ гигиеническихъ попеченій и, въ частности, простуда; чаще всего дѣти простуживаются во время разныхъ путешествій, которыя они должны совершать (например, крещеніе въ церкви).

8) Отсутствіе врачебной помощи во время заболеванийъ.

Къ этому необходимо еще присоединить все то, на что было указано нами въ первыхъ трехъ главахъ.

Остановившаяся на причинахъ гибели такого огромнаго мпожества дѣтей, вдумываясь въ нихъ поглубже, мы приходимъ къ тому неопровержимому заключенію, что всѣ онѣ подлежатъ воздѣйствію человека и слѣдовательно могутъ быть въ значительной мѣрѣ ослаблены, а съ теченіемъ времени (хотя бы вѣковъ) и совсемъ устранены. Рациональнымъ питаніемъ беременныхъ

докторъ *Ламанъ*, этотъ гигиенистъ-волшебникъ, достигъ совершеннаго отсутствія родовыхъ мукъ, вслѣдствіе того, что голова утробнаго младенца не становится гидрэмичной (водяночной), какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, а подкожнаго жира у него образуется очень мало, такъ что вообще размѣры плода очень незначительны*). Тотъ же докторъ *Ламанъ* со своими дѣтьми достигаетъ, исключительно раціональнымъ гигиеническимъ уходомъ, такихъ результатовъ, что 8-мѣсячнаго ребенка можно принять за 4-лѣтняго крѣпыща, а 4-лѣтняго за 8-лѣтняго. Вотъ, чего можно достигнуть гигиеной, т. е. произвольнымъ воздѣйствіемъ челоуѣка на челоуѣческій организмъ. Что же отсюда слѣдуетъ?—Отсюда слѣдуетъ, что тѣмъ, которые такъ «искренно» беспокоятся о томъ, чтобы родъ челоуѣческій не прекратился, представляется обширное поприще для дѣятельности въ этомъ направленіи, а именно: спасаніе милліардовъ погибающихъ дѣтей тѣмъ или инымъ личнымъ воздѣйствіемъ. Если же они говорятъ, что для продолженія рода челоуѣческаго нужно прежде всего размножаться, то мы позволимъ себѣ, для даннаго столѣтія и двухъ-трехъ будущихъ столѣтій, назвать ихъ фарисеями. Мало того, что ихъ утвержденіе неискренно, оно прямо ложно, что доказы-

*) Д-ръ *Г. Ламанъ* «Діететическое измѣненіе нормальнаго состава крови (диземія), какъ основная причина всѣхъ болѣзней», 1896, стр. 156: «Третій сынъ мой всѣлъ при рожденіи не болѣе 2700 граммовъ (обыкновенно новорожденные мальчики всѣтъ 4000—4500 грам.), мускулатура его была хорошо развита, и эти роды продолжались 2 часа, не болѣе. Жена моя при этомъ испытывала меньшія страданія, чѣмъ инныя женщины во время регулъ, и могла встать уже на пятый день».

вается несомнѣннымъ возрастаніемъ европейскаго населенія за послѣдніе 25 лѣтъ. Вотъ цифры*):

Приростъ европейскаго народонаселенія за послѣдніе 25 лѣтъ.

	Проценты.
Франція	0,20
Испанія	0,25
Швейцарія	0,53
Норвегія	0,71
Швеція.	0,72
Австрія	0,73
Италія.	0,75
Португалія	0,78
Германія	0,96
Данія	1,00
Бельгія.	1,10
Нидерланды.	1,15
Великобританія.	1,18
Румынія	1,20
Греція	1,25
Болгарія	1,30
Россія	1,40
С.-Ам. Соед. Штаты **)	2,00

Слѣдовательно, несмотря на огромную смертность дѣтей, европейское населеніе возрастаетъ, и о прекращеніи рода человѣческаго пока еще говорить по меньшей мѣрѣ преждевременно. Какъ видно изъ при-

*) Prof. A. L. *Hickmann* „Geografisch-statistischer Taschen-Atlas“. Wien, 1897. Tab. 17.

**) Въ приростѣ населенія С.-А. Соед. Штатовъ играетъ большую роль иммиграція, чего о другихъ государствахъ сказать нельзя.

веденныхъ цифръ, относительно прироста населенія наше отечество занимаетъ очень видное мѣсто. Причина возрастанія населенія—общая для всѣхъ государствъ Европы: *уменьшеніе смертности вообще*, благодаря болѣе альтрустичному отношенію къ низшимъ классамъ, уснѣшной борьбѣ съ эпидеміями, улучшенію, хотя бы миниатюрному, матеріальныхъ условій, распространенію здравыхъ гигиеническихъ понятій въ массѣ населенія, болѣе правильной организаціи врачебной помощи и общественной благотворительности.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что и четвертое положеніе, вытекающее изъ «Крейцеровой сонаты», является такою же непреложною истиною, какъ и первыя три положенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе	1
I	4
II	35
III	61
IV	89
